

ТАТАРСКИЙ МИР

№ 2 (6421) 2019

ДӨНЬЯСЫ

«Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель – тонуть»

Из договора между князем Владимиром и предками татар – болгарам в 985 году («Повесть временных лет»)

Художник Махмут Усманов. «Родные просторы»

Хадича тонка,
как ветка...

с. 5

Обязаны его
помнить...

с. 6

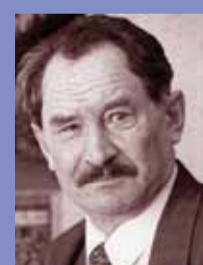
Плывем собственным курсом...

с. 4

«Алифба» -
в подарок...

с. 8-9

В стихах
себя
не обманешь...

с. 11

Сажиди Сулейманова

* * *

Стужа зимняя настала.
За окном метель и грусть.
Я доверюсь-ка Уралу,
Вместе с бурей закружусь.

Я о прошлом не жалею.
Душу холодом свело.
Свято прошлое лелею.
А кругом — бело, бело...

Ты мой вечный, мой далекий,
Навсегда в себя прими
Этот снежный, этот легкий
Вихрь бушующей любви.

Перевод с татарского Людмилы Щипахиной

МОСКВА

Свое 20-летие в стенах Дома Асадуллаева отметил Татарский культурный центр Москвы. Многочисленные гости праздника ознакомились с художественной выставкой учащихся студии "Соприкосновение", приняли участие в мастер-классах от руководителей творческих кружков и студий. Перед зрителями выступили ансамбли татарской песни «Мирас» и «Идель», вокальный дуэт «Апа-Сеңел», ансамбль духовной музыки «Медина», этно-фолк группа SafrAmanat, артисты фольклорной студии «Нур», театра песни «Тальян», детского фольклорного ансамбля «Шатлык», хореографического ансамбля «Ильдан» и многие другие.

На проведение названного мероприятия Министерством культуры Республики Татарстан был выделен Грант. На средства Гранта также были изготовлены татарские национальные костюмы для ансамбля татарской песни «Мирас», хореографического ансамбля «Ильдан» и для Театра татарской песни «Тальян».

Зельфира Ильясова

Полномочное представительство Республики Татарстан посетил заслуженный художник России, народный художник Татарстана Ильяс Айдаров. С ним встретился заместитель Премьер-министра Республики Татарстан - полномочный представитель РТ в РФ Равиль Ахметшин. Ильяс Айдаров написал пор-

трет начальника Генерального штаба Вооруженных Сил России – первого заместителя Министра обороны РФ Валерия Васильевича Герасимова. На встрече он попросил Равиля Калимулловича передать эту работу в дар Казанскому высшему танковому Краснознаменному командному училищу к юбилейной дате. 22 февраля 2019 года легендарное военное училище отметит 100-летие со дня основания. Напомним, что генерал армии Валерий Герасимов является выпускником Казанского высшего танкового командного училища, а также Казанского Суворовского военного училища.

НЬЮ-ЙОРК

Звезда Венской оперы Аида Гарифуллина в конце января дебютировала на главной сцене мира — нью-йоркской Метрополитен-опера. Там она спела Церлину в опере Моцарта «Дон Жуан». В февральской серии

спектаклей ее партнером на сцене стал другой знаменитый татарин - обладатель звания «Лучший бас-мистр» и национальной театральной премии «Золотая

маска» Ильдар Абдразаков. Он выступил в роли Лепорелло. Тандем двух певцов на этом не завершится. 23 мая певцы впервые выступят в Крокус Сити Холле в Москве. На этот раз вокалисты представят гостям широкую палитру оперных дуэтов. Здесь найдется место и прекрасным образцам итальянского оперного искусства – произведениям Джузеппе Верди, Гаэтано Доницетти, Джакомо Пуччини, утонченным сочинениям Вольфганга Амадея Моцарта, работам замечательных русских композиторов – Петра Чайковского, Модеста Мусоргского. Программа обещает стать яркой и незабываемой.

КАЗАНЬ

В Татарстане растут тиражи детских, молодежных и образовательных изданий. Востребованность газет и журналов во многом объясняется работами редакций по привлечению целевой аудитории. Об этом сообщил руководитель Республиканского агентства по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа» Айрат Зарипов на итоговой коллегии ведомства. У детских, молодежных, образовательных изданий наблюдается устойчивая картина роста подписки. Журнал «Магариф» дал рост на 7%, журнал «Сабантуй» на 9,6%, журнал «Ялкын» на 22%, журнал «Идель» на 25%. Высокий показатель роста подписки наблюдается у детской газеты «Көмеш кыңгырау» — на 41%. Глава «Татмедиа» отметил, что растущий интерес детской и молодежной аудитории находит отклик не только со стороны печатных СМИ. «В сегменте телевидения значимым событием стал запуск круглосуточного детского телеканала «Шаян ТВ», — напомнил Зарипов.

СТАВРОПОЛЬ

Заседание ученого совета прошло в Ставропольском музее-заповеднике. Темой встречи стало создание Археологического музея «Татарское городище». Это один из самых крупных археологических памятников на Северном Кавказе, который занимает площадь в 200 гектаров. Здесь между юго-западной оконечностью Ставрополя и селом Татарка на протяжении полутора тысячелетий также жили предки современных татар. Татарское городище, по свидетельству историков, это яркий пример симбиоза цивилизаций. Городище похоже на многослойный торт: тут сохранились следы людей, живших на протяжении четырех исторических периодов — кобанского, скифского, сарматского и хазарского — с VIII века до нашей эры по X век.

За десятилетия раскопок в Татарском городище археологи обнаружили большое количество уникальных предметов. В 1960 году Татарское городище было признано памятником археологии республиканского значения, а в 1992-м его включили в состав краевого музея-заповедника. После этого начались новые раскопки, в ходе которых обнаружили другие древние постройки.

В планах музейщиков – создать на этой территории исторический парк с экскурсионной тропой протяженностью 3 километра, 16 археологических экспозиций с воссозданными сооружениями древнего городища. Для удобства посетителей оборудуют смотровые площадки с красивыми видами и места для отдыха. В музее под открытым небом разместятся выставочные залы для демонстрации и хранения экспонатов. Это позволит сохранять культурное наследие.

ТАШКЕНТ

В музее им. Мухтара Ашрафи в Ташкенте состоялся музыкально-поэтический вечер, посвященный творчеству выдающихся татарских поэтов, организованный Татарским общественным культурно-просветительным центром. Поэтесса Флюза Заманова

рассказала о жизни и творчестве Хади Такташа, прочитала стихотворение-посвящение Габдулле Тукаю. Солистка Государственной хоровой капеллы Узбекистана, заслуженная артистка Республики Татарстан и Республики Башкортостан Феруза Халдарова исполнила песню композитора Рифа Гатауллина на стихи Фаннура Сафина «Хушлашырга ашыкма». Самобытная исполнительница татарских народных песен Гильнур Адигамова рассказала о творчестве поэтессы Гульшат Зайнашевой и прочитала одну из ее лучших стихотворений. Зайнашеву называют «певицей любви», основным лейтмотивом ее стихов стала любовная лирика, с ней сотрудничали композиторы Рустем Яхин, Александр Ключарев, Сара Садыкова и другие мастера песенного жанра. В этот вечер вспоминали Сибгата Хакима, Фаниса Яруллина, читали стихи Мусы Джалиля. Вечер поэзии украсила выставка молодых художников и работы керамиста Фании Деденёвой.

ПРЕМЬЕРА

На канале YouTube вышел финальный трейлер фильма «Белая ворона» режиссера Рэйфа Файнса о танцовщице Рудольфе Нуриеве. Российская премьера назначена на 22 марта.

В основе сюжета запечатлены события, которые навсегда изменили судьбу Нуриева: когда во время зарубежных гастролей Кировского театра в 1961 году танцовщик решает остаться в Париже. Съемки байопика проходили в Сербии и России. Премьера картины состоялась в Лондоне в октябре прошлого года. По словам Файнса, перед премьерой фильма он был очень расстроен нарастающим напряжением между Великобританией и Россией, так как он очень много общался и общается с русскими культурными деятелями и считает, что эти две культуры обладают «прекрасными возможностями, чтобы взаимодействовать».

В картине Чулпан Хаматова сыграла роль жены педагога танцовщика. Актриса рассказала, что ее персонаж пытается научить его не только балетному мастерству, но и преподает жизненные уроки. Нуриева исполнил премьер балетной труппы Татарского театра оперы и балета им. М. Джалиля Олег Ивенко.

КНИЖНАЯ НОВИНКА

Настоящая работа, посвященная средневековой истории известного рода татарской аристократии - Юшевых, является второй подобной в отечественной историографии (первая посвящена князьям Юсуповым). В ней доказана принадлежность Явуш бека к татарскому клану албыр - части кимаков, предводителем которых в свое время был хан Бачман, а также раскрыто «царственное» положение племени татар в Кимакском каганате. В процессе эволюции Золотой Орды часть клана албыр, локализованная в Волго-Уральском регионе и начавшая маркироваться как племя «кыпчак», к середине XV века закрепилась в Казанском юрте, став там Арскими князьями. Исследование выявило также исторические причины именования государствообразующего «народа» Монгольской империи «монголо-татарами», а в Улусе Джучи - просто «татарами».

Книга является первой из серии, посвященной истории рода Юшевых. Она адресована широкому кругу читателей.

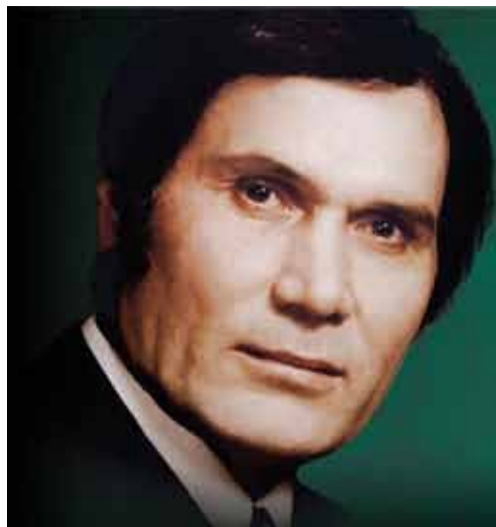
Память

«Азатлык» в Мюнхен, где он проработал с 1969 по 2006 год. С 1989 года Фарит Аги возглавлял редакцию.

При Фарите Аги Татаро-башкирская редакция создала корреспондентскую сеть по всему миру. В 1989 году в Казани открылось бюро, часовая программа на татарском и башкирском языках транслировалась на волнах ГТРК «Татарстан». У Фарита Аги остались жена, дочь и сын.

Редакция газеты «Татарский мир» приносит глубокие и искренние соболезнования родным и близким, а также коллегам Фарита Аги. Память о нем навсегда останется в наших сердцах!

Илһам Шакиров

Ильгам Шакиров

Рустам Минниханов, Президент РТ:

Данный от Бога талант, неповторимый голос позволили Ильгаму Шакирову на весь мир прославить татарский моң и татарскую музыку. Про таких людей говорят, что они приходят в мир один раз и остаются в памяти навсегда. Конечно, мы считали Ильгاما Шакирова эталоном и будем считать в будущем. Мы должны увековечить его имя. В течение следующих двух-трех месяцев мы достроим концертный зал в Kazan Expo, который будет вмещать более трех тысяч человек. Предлагаю дать этому большому концертному залу имя Ильгاما Шакирова. Татарский народ потерял Ильхама абый. Но его муза не потеряется в наших сердцах, мелодия его души останется в вечности. Пусть земля будет пухом, пусть его место будет в раю.

Минтимер Шаймиев, Государственный советник РТ:

Уход нашего современника — большая потеря. Но я не хочу говорить слова сожаления. Он свой талант полностью реализовал, трудился, совершил большие дела. Он оставил большое наследие. Через его творчество до нас дошли многие татарские народные песни, стихи наших великих поэтов: «Кара урман», «Тэфтиләү», «Туган авылым» и многие другие произведения. Нам в свою очередь нужно бережно хранить память об этом великом человеке. В частности, необходимо организовать фестиваль имени Ильгاما Шакирова. От имени всех хочу сказать, что Ильгاما Шакирова должны помнить с большим уважением, с большой благодарностью. Все, что мог сделать для народа, он сделал.

Зиля Сунгатуллина, народная артистка России, заведующая кафедрой вокального искусства Казанской консерватории:

Его знают и в Австралии, и в Финляндии, и в Германии. Нет ни одной страны, где живут татары и не уважают его. Я очень горжусь тем, что он получил образование в нашей Казанской государственной консерватории. Это неслучайно. Несмотря на то, что он только приехал из деревни и еще не знал нот, он понимал, что ему надо учиться. Он всегда оставался верным своему творчеству. В 80—90-е годы, вы, наверное, помните, народ пел его песни, а ведь его репертуар был очень сложным. Я думаю, он дал большое духовное воспитание народу, привил ему вкус...

Ушла целая эпоха — эпоха Ильгاما Шакирова, и не скоро еще такой появится. Он был артистом масштабного уровня, масштабного значения. Как мы часто говорим, татарская песня — это моң прежде всего, профессионализм. И в нем все это было. Мы с ним очень много раз работали вместе. В советское время постоянно выступали на самых больших мероприятиях в престижных залах Москвы. Знаете, у него было невероятное чувство юмора, он был очень образованным. С ним было безумно интересно беседовать, он был философом. Знал историю татар, тюркских народов. И, конечно, он многое привносил в песни. Просто брал композиторские песни, и после его исполнения они обретали второе рождение. Он либо добавлял какой-то вокализ или еще как-то иначе старался подать композицию. И все сам придумывал. Ни один композитор бы такое не написал тогда. Его уход для молодежи дает еще больший повод для изучения творчества.

Рауль Мир-Хайдаров, писатель:

Ушел из жизни один из ярчайших представителей татарской культуры — певец Ильхам Шакиров. Чтобы понять масштаб его личности и оценить нашу потерю, необходимо сравнить его со знаковыми фигурами других народов — Федором Шаляпиным, Иваном Козловским, Сергеем Лемешевым, Рашидом Бейбутовым, Ермеком Серкебаевым...

В татарской песенной культуре до 70-х годов 20 века не было деления песен на городскую, сельскую, молодежную — песня становилась народной и жила долго, если ее воспринимал и стар и млад. У татар очень много песен, которым и сто лет, и больше, но они востребованы и сегодня. У нас есть пьесы, которые идут с аншлагом уже 150 лет. У татарских исполнителей важен не только голос, важна и душа артиста, если в ней есть... «моң» — непередаваемое понятие, но его ощущает каждый татарин.

И тем, и другим Ильхам-эфенди обладал уже с детских лет, когда в военные годы пел женщинам, проводившим своих мужей на фронт.

Редкий татарин в мое время не знал имен Рашида Вагапова и Ильгاما Шакирова. В нашем доме еще до войны был патефон — неслыханная роскошь для нищего Мартука — и пластинки Ильгاما Шакирова, выпущенные в конце 50-х годов 20 века.

В начале 60-х годов я часто бывал в Москве и ходил в культовое тогда кафе «Синяя птица», где один день играл гитарист Громин, а другой — саксофонист Клейбанд. В этом кафе собирались не только меломаны, но захаживали и знаменитости. Однажды я познакомился там с молодым пианистом Владимиром Ашкенази, который вскоре станет на 50 лет мировой знаменитостью. Узнав, что я татарин, он сказал: «Я знаю, что у вас есть известный певец Ильхам Шакиров». Такое его неожиданное признание меня удивило, и я спросил: «Откуда ты его знаешь? Он поет только татарские песни». Его восторженный ответ еще больше поразил меня. Оказывается, ему об Ильхаме Шакирове рассказал М. Растропович. Рассказ об этом вы найдете в моих мемуарах «Вот и все... я пишу вам с вокзала».

Лично познакомился я с Ильхамом в Ялте в 1978 году. Ему было 43, а мне — 37. Ильхам отдыхал в санатории актеров, а я в Доме творчества писателей. У нас, писателей, в Ялте своего пляжа не было, и мы пользовались пляжем актеров. Дом актеров располагался у моря в роскошном парке. Этот дворец и парк принадлежали одному из Великих князей Романовых.

Выглядел Ильхам в ту пору импозантно — высокого роста, широкоплечий, с волнистыми волосами, улыбчивый и доброжелательный. В Финляндии живет много татар, и он часто бывал там на гастролях, оттого одет он был стильно, с иголки.

В день нашего знакомства Ильхам пригласил меня в ночной клуб-варьете «Ницца», где играли его друзья-музыканты из Казани. Эти вечера в «Ницце» описаны мною в романе «Ранняя печаль».

Через неделю после нашего знакомства в Ялту прибыл писатель Амирхан Еники и с ним еще четверо татарских писателей. На другой день я накрыл стол на большой веранде своей комнаты, Ильхам пришел к нам в гости и устроил незабываемый концерт по заявкам счастливых слушателей.

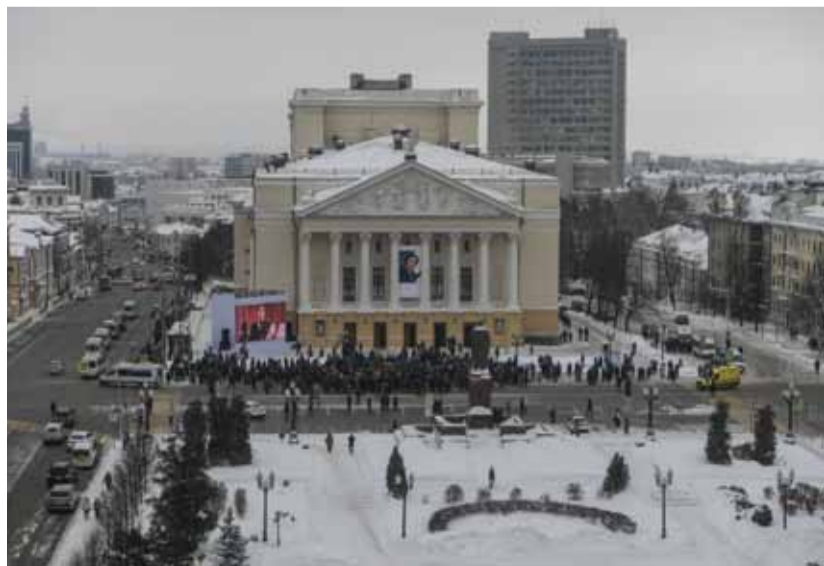
Незабываемое застолье! Звездное небо Крыма, огни круизных теплоходов на море, запах кипарисового парка внизу, татарская песня... и голос великого Ильхама! Таким он остался навсегда в моей памяти.

Там в Ялте я подписал ему на память свою книгу «Оренбургский платок» — «Ильхаму Шакирову, единственному человеку, который видел весь свой народ лицо в лицо, глаза в глаза. Такое не удавалось даже ханам, царям, императорам».

Не было в стране города и села, где проживали бы татары, и где бы не пел Ильхам Шакиров! У него имелась огромная карта СССР, где красным карандашом были отмечены все места, где он выступал, включая и мой Мартук. Гастролировал он больше 50 лет!

В день похорон Народного артиста первый Президент Татарстана М.Ш.Шаймиев объявил о том, что будет обязательно организован ежегодный фестиваль песни имени Ильгاما Шакирова.

Верю, что и фестиваль будет, и памятник воздвигнут — Ильхам Шакиров заслужил это служением своему народу!

Лейсан Ситдикова

В Москве в очередной раз с большим успехом прошли гастроли Татарского государственного академического театра им. Г. Камала. К этому событию было приурочено открытие выставки «Театр Марселя Салимжанова», которая в эти дни продолжает свою работу в театральном музее им. Бахрушина.

В день открытия многочисленные посетители выставки, среди которых были аксакалы Камаловского театра Азгар Шакиров, Наиль Дунаев, Ильдус Ахметзянов, Айдар Хафизов, сгрудились вокруг экранов, на которых транслировались выступления Марселя Хакимовича Салимжанова. Вслушивались в до боли знакомую интонацию, ловили каждое его слово. Легендарный режиссер, возглавлявший театр 36 лет, не оставил после себя воспоминаний, не вел дневников, не делал записей ни до, ни после репетиций. Говорил: «Кому надо, пусть сам за мной записывает». Выставка в Бахрушинском музее стала поводом вспомнить весь пройденный путь режиссера, осмыслить как с течением времени менялся татарский театр.

«Его надо было слышать, его надо было видеть, с ним надо было общаться, - делился воспоминаниями главный режиссер театра им. Г. Камала Фарид Бикчантаев. - Не проходит ни дня репетиций в театре, где не вспоминался бы Марсель Хакимович. Здесь очень много сотрудников нашего театра, которые могут сутками, часами рассказывать о Салимжанове. Правда в том, что он для нас живой человек. Все, что он заложил в меня, в своих учеников, актеров, - продолжает жить».

Часами рассказывать о каждом экспонате выставки может и куратор выставки, вдова знаменитого художника-монументалиста Ильдара Ханова Рауза Султанова. Это уже второй ее совместный проект с Бахрушинским музеем. Два года назад при ее активном участии состоялась выставка «История татарского театра в афишах и плакатах», приуроченная к 110-летию истории национального театра. Недавно Рауза стала доктором искусствоведения, блестяще защитив диссертацию по теме сценографии татарского театра.

«Мне посчастливилось знать Марселя Хакимовича лично, он не раз бывал у нас с Ильдаром в гостях, интересовался нашим мнением о своих спектаклях. Символично, что такая большая ретроспективная выставка проходит в Год Театра и в юби-

«Его надо было слышать, его надо было видеть»

лейный для Марселя Хакимовича год. Ему исполнилось бы 85 лет, - рассказывает Рауза Султанова. - Салимжанов возглавил Камаловский театр в 1966 году, вскоре после того как в его труппу влились молодые выпускники Московского театрального училища имени М.Щепкина — Ринат Тазетдинов, Нажиба Ихсанова, Равиль Шарафеев, Азгар Шакиров... Салимжанову тоже повезло на учителей. В ГИТИСе он учился сначала у Андрея Лобанова, а выпускал их курс Андрей Гончаров. Оба — знаменитые режиссеры, профессора... Но прежде всего беззаветную любовь к татарскому театру, трепетное отношение к его истории и традициям он унаследовал от своих родителей — замечательных камаловских актеров Хакима Салимжанова и Галии Нигматуллиной. Примечательно, что именно отец еще в 1956 году привлек Марселя Хакимовича к работе над спектаклем «Король Лир». Мало кто знает, что он был мастером спорта по фехтованию и потому блестяще справился с постановкой фехтовальных сцен в спектакле». В витрине представлен значок мастера спорта, афиша с именем будущего режиссера и заметка, в которой театральный критик отмечает «зрелищность спектакля».

Многие любопытные вещи для экспозиции в Москве передала вдова режиссера Гульнар Салимжанова. Например, саквояж, который Салимжанов подарил татары из Финляндии, когда театр им. Камала впервые приехал туда со спектаклем «Альмандар из деревни Альдермеш». С этим саквояжем, по словам Раузы Султановой, режиссер ездил потом на гастроли в Москву. Представлен альбом, посвященный 50-летию режиссера, на котором легендарная актриса театра Фатыма Ильская вручила Салимжанову серебряное кольцо, принадлежавшее основателю татарского театра Габдулле Кариеву. Теперь это «кольцо всевластия» татарского театра хранится у Фариды Бикчантаева. Он надевает его на торжественные события: премьеры и открытие сезона.

Шаг за шагом выставка раскрывает этапы становления мастера, перипетии его взаимоотношений со зрителями, которые поначалу складывались непросто. Смена репертуара - переход от музыкально-драматических спектаклей к спектаклям-притчам - не всем пришлась по вкусу. Зрители часто приходили в театр, как в этнографический музей, их ожидания не простирались дальше желания увидеть бытовые сценки под задорную музыку. Салимжанову в буквальном смысле приходилось воспитывать зрителя — объяснять, что театр должен ставить проблемы, волнующие сердца татарского народа. «Я свою эстетику никому не навязываю. Я как художник вижу более глубоко и хочу вложить в спектакли глубокие мысли» - гласит одна из цитат режиссера 1969 года, которая

отдельно вынесена на стену выставочного пространства.

Режиссер всю свою жизнь обращался к современной национальной драматургии и считал, что театр не может развиваться, не откликаясь на конкретные жизненные реалии. Поэтому так много в репертуаре театра было пьес Зульфата Хакима, Мансура Гилязова, Диаса Валеева. Об этом говорят многочисленные афиши, которые можно увидеть на выставке. Особняком стоит имя Туфана Миннуллина, с которым Салимжанов сотрудничал чаще всего. В нем он нашел духовно близкого себе художника. Не случайно их совместная работа спектакль «Альмандар из деревни Альдермеш» стала одной из любимых постановок у зрителя и у труппы. За образ старика из народа — мудрого, душевного, жизнелюбивого, бесконечно влюбленного в родную землю и очень похожего на самого актера - Шаукату Биктимирову была присуждена Государственная премия Российской Федерации им. К. Станиславского. Спектакль не сходил со сцены рекордные 33 года до самой смерти исполнителя главной роли.

Выставка рассказывает и о том, как непросто складывались отношения Салимжанова с властью имущими. «Стало уже хрестоматийным утверждение, что Марселю Хакимовичу все давалось легко, он ставил все, что хотел, - продолжает Рауза Султанова. - Ничего подобного. Достаточно посмотреть протоколы заседаний худсовета, чтобы понять, какие шли баталии вокруг спектаклей. Только тексты пьес трижды проходили проверку на правильную идеологическую установку».

Одна из витрин экспозиции посвящена истории создания спектакля «Три аршина земли» по пьесе Аяза Гилязова. Салимжанов предложил писателю создать пьесу по мотивам повести. В 1972 году театр энергично приступил к репетициям. Начинается переписка режиссера с театральным художником из Рижского театра Татьяной Швеце. Специально для экспозиции в Бахрушинском музее Татьяна Маркиановна передала фотографии макетов для спектакля. Однако обкомовское начальство сочло пьесу идеологически вредной и запретило постановку. Салимжанов объясняет причины в письме Швеце: «Короче, втянули мы вас в дело, которое, к великому сожалению, не пришлось по вкусу „большому начальству“. Автор попал в „немильность“ и страшно переживает». К тому времени повесть Гилязова уже была опубликована в журнале «Дружба народов», а пьеса - в журнале «Театр». К репетициям спектакля приступили во МХАТе. Это мог быть первый татарский спектакль, поставленный на столичной сцене! Но даже это не помогло. Мысль о зыбкости и трагизме идей революции выражена была в пьесе слишком резко и прямо, что вызывало раздражение у местного партийного начальства.

Первый секретарь татарского обкома Рашид Мусин позвонил куда надо и заявил: «..вы там, в центре, нашей деятельности препятствуете, авторитет наш подрываете, и уже заключенный договор расторгли» - с горечью вспоминает в своем дневнике Аяз Гилязов. Спектакль не вышел ни в Казани, ни в Москве. Лишь в 1986 году Марселю Хакимовичу удалось воплотить свой сокровенный замысел и осуществить постановку. Сценическое оформление во многом опирается на эскизы Татьяны Швеце. На выставке представлена афиша спектакля, выполненная художником Ильдаром Ахмадиевым.

Совсем уж бредовые доводы худсовета стали причиной запрета спектакля «Кырлай егете» («Парень из деревни Кырлай») по одноименной пьесе Наки

образы, умел это собрать и воплотить. Марсель Хакимович выходил к актерам уже готовый полностью. Это великая его заслуга и большое умение. Я счастлив, что с ним работал».

Здесь же в одной из витрин представлена книга «Остров в океане», написанная большим другом Камаловского театра легендарным театральным критиком Борисом Поюровским. «Марсель Хакимович ушел из жизни непростительно рано, — пишет в своей книге московский критик. — Он был переполнен всевозможными художественными замыслами и совсем не готовился к смерти. Нынешняя труппа состоит из его учеников и соратников. Он оставил после себя не просто добрую память, что тоже важно. Но великолепный, работоспособный ансамбль, собранный из уникальных индивидуальностей во всех поколениях. А главное — воспитал преемника, талантливого, тонкого, образованного, интеллигентного режиссера Фариды Бикчантаева... Как и Салимжанов, он считает, что без своей драматургии не может существовать национальный театр. Но при этом прекрасно осознает, что современное искусство активно сопротивляется нарочито замкнутому пространству, что ему жизненно необходимы контакты на разных уровнях, чтобы постоянно быть готовым к встрече с Шекспиром, Лопе Де Вега, Мольером, Чеховым...»

Актеры театра Ильдус Ахметзянов и Наиль Дунаев

Исанбета, который Салимжанов поставил в 1986 году. «Эксперты» от искусства негодовали, почему председатели колхозов в спектакле представлены дураками, а Шурале — наоборот, выглядит всезнающим молодцом. После нескольких показов спектакль был запрещен. И появился в афише театра уже после смерти Салимжанова только в 2012 году. Его поставил режиссер Ильгиз Зайниев.

«Марселю Хакимовичу свою позицию приходилось отстаивать на каждом худсовете на протяжении всей жизни, какие бы регалии и звания у него не были», - считает Рауза Султанова.

Десятки фотографий, афиши, аутентичные костюмы и детали декораций... И почти в самом конце экспозиции приковывающий внимание живописный портрет режиссера. На нем крупно лицо Марселя Хакимовича, разглядывающего макет спектакля. Это работа Сергея Скоморохова, который с 1995 года занимает пост главного художника Камаловского театра. Не раз в своих интервью Сергей Геннадьевич говорил, что уже давно ощущает себя татаринцем. «С Марселем Хакимовичем было очень интересно работать, - делился на открытии выставки художник. - Иногда он брал макет спектакля и сутки напролет сидел у себя в кабинете: искал новые решения, обдумывал каждую деталь. После этого отдавал макет и говорил: «Все я знаю, как делать». Он видел в пространстве, видел

Большая удача и счастье, что традиции татарского театра, заложенные еще сайярговцами, а затем продолженные Салимжановым, не прерываются. В театре хорошо понимают, что память это не только бюст на пьедестале и не название улицы. Каждый год перед открытием нового сезона, как это было при Марселе Хакимовиче, камаловцы навещают могилы ушедших из жизни коллег и возлагают цветы. И каждый год 7 ноября в день его рождения в театре играется премьера. Это определенно знак того, что жизнь в театре продолжается. «Нужно учесть, что он был режиссером национального театра и сознательно себя ограничивал, исходя из интересов зрителя, как он их понимал, - вспоминает Фарид Бикчантаев о своем учителе. - Хотя последним его спектаклем считается «Баскетболист», это все же не совсем так. Он ведь хотел ставить «Черную бурку», просто не успел. Он знал, что у него тяжелая болезнь, но до последнего не верил, что это уже все, не хотел верить. И в орбите его внимания возникла эта притча о псе, который охраняет никому не нужную бурку, история о жертвенности. Необходимо чем-то пожертвовать, чтобы идти дальше».

И этот театр, чье новое здание так похоже на парусник, вот уже более ста лет, невзирая на острые рифы и подводные камни, плыл и плывет своим собственным курсом навстречу заветранному дню.

Марат Сафаров, кандидат педагогических наук

Традиция нашей газеты – в феврале вспоминать довоенную жизнь Мусы Джалиля, его ранние стихи, близких людей поэта. День рождения Джалиля пришелся на суровую зимнюю пору, когда оренбургская степь вокруг деревни Мустафино покрыта снегом.

Его младшая сестра Хадича родилась не в Мустафино, а в Оренбурге – семья Мустафы Залилова в поисках лучшей доли часто переезжала из родной деревни в губернский центр и обратно. Было это 100 лет назад, осенью 1918 года. Хадиче предстояла долгая и непростая жизнь, полная испытаний и потерь, утешением которой стала любовь к брату и память о нем.

Специально для работы над статьей нашел я в своем книжном шкафу тонкую, ветхую почти брошюру Хадичи Джалиловой «О моем брате», опубликованную в Татарском книжном издательстве в 1976 году. Это было уже второе издание, а первое вышло в 1969 году. Большой тираж разнес эти скромные издания по всему Советскому Союзу, где Джалиля читали и читали, в школы, пионерские дружины, сельские и городские библиотеки.

Но ко мне Джалиль пришел уже в другие времена. В детстве эта трогательная книжечка была для меня настольной, бесчисленное количество раз перечитывал её (и даже вслух). Именно благодаря простому, очень личному рассказу сестры поэта и узнал я впервые о Мусе Джалиле – о его семье, юности, проведенной в Оренбуржье и Москве, об их матери Рахиме, воспитавшей своих детей честными и благородными людьми. Уже потом пришли ко мне серьезные, полные документального материала книги Рафаэля Мустафина, посвященные подвигу Джалиля и его соратников, литературоведческая монография Роберта Бикмухаметова, публикации Юрия Королькова.

А в рассказе сестры – Джалиль, еще не ставший памятником, живой, энергичный татарский поэт 20-30-х годов, полный сил, иронии и озорства. Так она сама и пишет в предисловии:

«Моя профессия далека от литературного труда. Эту книгу я написала по просьбе многочисленных почитателей таланта моего брата - Мусы Джалиля. В свет вышло немало книг, посвященных Джалилю. В них предстает перед читателем образ человека-борца, литературного и общественного деятеля, талантливого поэта.

И все же каким он был в жизни? Каким его знали близкие? Подобные вопросы мне задают на вечерах и собраниях, посвященных памяти поэта, спрашивают в многочисленных письмах. Я хочу в этой книге попытаться ответить на эти вопросы. Долгие годы я была рядом с Мусой, мы вместе росли в большой, дружной семье. Я была его младшей сестрой, и когда мы осиротели, он заменил мне родителей и стал моим воспитателем. Может быть, то, о чем я расскажу, поможет читателю полнее представить себе образ этого скромного, бесконечно доброго, деятельного человека».

Впрочем, после прочтения этой замечательной книги оставалось ощущение недосказанности, хотелось больше узнать о жизни самой Хадичи, ведь все повествование она посвятила судьбе брата, о себе упоминая лишь вскользь. Правда эти упоминания были весьма примечательными, включая короткий сюжет о жизни в Казани с сестрой Зайнаб, о казанской школе, где заботливым учителем был друг Джа-

лил был дождливый, осенний день, и сразу вспомнился холод и неуютная обстановка – эффект присутствия благодаря столь ярким и живым свидетельствам Хадичи, Амины Кутдусовны и лично услышанным мною рассказам Чулпан Мусеевны Залиловой – единственной ныне, кто помнит эту комнату.

В Москве Хадича учила русский язык, ходила на первые поэтические выступления брата в рабочий клуб им. Ямашева, расположенный в Доме Асадуллаева, знала всех его друзей. В 1939 году Джалиль с женой и дочерью уехал в Казань, где вскоре возглавил Союз писателей Татарской АССР.

Сама Хадича не выбрала художественную профессию, а стала метеорологом, причем нашла свое призвание в Заполярье, во время поездки на метеостанцию на горе Юксפורр Кольского полуострова. Поначалу Хадича подобно брату недолго работала в местной газете «Кировский рабочий» (что очень поддерживал в своих письмах Муса), но именно редакционная командировка в Хибинские горы опреде-

Юный Муса Джалиль с матерью и младшей сестрой Хадичей

Хадича – сестра Джалиля

лил поэт Хасан Туфан, или о тяжелой атмосфере в татарском детском доме, располагавшемся в Малом Татарском переулке Замоскворечья.

И вот недавно удалось мне, благодаря изысканиям оренбургских краеведов, найти больше сведений о жизни сестры поэта. И в Татарстане появляются первые публикации о ней – в журнале «Сәембикә», и в журнале «Безнең мирас», где было напечатано письмо Хадичи Джалиловой писателю Афзалу Шамову, датированное 1961 годом. Жили мы в одно время, пусть и в разных городах. Хадича Мустафовна умерла в Оренбурге сравнительно недавно, в ноябре 2000 года.

Теплые, доверительные строки повествования не могли рассказать обо всем пережитом сестрой Джалиля испытаниях. Последние страницы её книги завершаются упоминанием о статье Гумера Баширова «Сильнее смерти», опубликованной в «Правде» 6 июня 1953 года. В этой статье впервые рассказывалось о подвиге Джалиля. А где находилась в это время сестра, с кем она встретила эту весть? Книга, вышедшая в 1976 году, не могла дать ответы на такие вопросы...

Джалиль всегда заботился о своей младшей сестренке, оставшейся в младенчестве без отца, а в десять лет потерявшей и мать.

«После того, как Муса уехал [из Оренбурга], давно затаившаяся болезнь матери обострилась. Приехала сестра Зайнаб и увезла нас в Казань в надежде, что казанские врачи помогут маме. Но и самые лучшие врачи были уже бессильны спасти её от роковой болезни. Мама пожелала возвратиться в родное село Мустафино и вскоре, в 1928 году, там умерла.

Когда она уезжала из Казани, оставив меня с сестрой, я плакала, просилась с ней домой, но она сказала:

- Нет, доченька, мне умирать, а тебе еще жить да жить. Постарайся выучиться, не жалея для этого сил. Не отрывайся от брата и сестры, пусть помогут тебе встать на ноги».

Это материнское завещание Муса и Зайнаб выполняли, несмотря на все сложности быта, переезды, бедность, отсутствия своего угла. Хадича всегда была с ними, окружена вниманием и заботой. Старший брат Ибрагим, мобилизованный еще в Гражданскую войну на борьбу с басмачами, осел в Средней Азии, поселился с семьей в Киргизии.

Вместе с Мусой Хадича жила некоторое время в памяти всем знатокам биографии поэта московской комнате в Столешниковом переулке, где на фасаде дома ныне установлена мемориальная доска.

«Наконец наступил долгожданный день – брату дали крошечную десятиметровую комнату в Столешниковом переулке. Комната была полутемная, с единственным окном, упиралась в стену соседнего дома. Две стены её выходили во двор, третья – в холодный коридор, а внизу был ледник. Сколько ни топи квартиру, тепла не было.

Но мы все-таки были рады».

Совсем недавно впервые довелось мне побывать во дворе этого старого московского дома и увидеть так подробно запечатленные в разных воспоминаниях окна комнаты Джалиля, упиравшиеся в стену.

лила её выбор. В эти суровые края Хадича отправилась к сестре Зайнаб, работавшей инженером-химиком на заводе в городе Кировске Мурманской области.

В июле 1941 года в Москве должна была состояться декада татарского искусства. В столицу планировали привести оперу Назима Жиганова «Алтынчәч» на либретто Джалиля, но ранее, еще на премьерные показы в Казань Муса ждал свою сестру:

«Общественные просмотры «Алтынчәч» прошли с большим успехом. Ты как раз приедешь к премьере. Вообще к твоему приезду в Казань будет много интересного, все декадные спектакли увидишь, Чулпан с нетерпением ждет твоего приезда, каждый день спрашивает, когда же она приедет. Приезжай скорее!!!».

Это было письмо Джалиля от 20 июня 1941 года. Через два дня началась война, а декада состоится спустя 16 лет... Мусу Хадича больше никогда не увидела, только получила от него одно письмо уже с фронта, хотя поздней осенью 1941 года брат и сестра могли встретиться в Азнакаево.

Через это большое село из Казани направлялись воины в Мензелинск, где находились военно-политические курсы. В Азнакаево центром жизни была столовая, где прибывавшие воины обедали и направлялись в дальнейший путь. Неподалеку начальником метеостанции работала тогда и Хадича, также приходившая каждый день в столовую. Но они разминулись, не знали друг о друге и не смогли увидеться в последний раз...

В мае 1942 года и Хадича добровольцем ушла на войну, сначала в учебный полк связи в город Горький, где она обучала солдат азбуке Морзе, отправке радиogramм и другим освоенным на метеостанциях навыкам. В этом учебном тыловом полку Хадиче предлагали остаться преподавателем, но она желает быть в действующей армии и в сентябре 1942 года отправляется на фронт. Вскоре пришла в её жизнь беда.

В январе 1943 года сержант, кандидат в члены ВКП(б) с 1940 года Залилова Хадича Мустафовна, служившая радистом в штабе 65-го отдельного полка связи Брянского фронта, была арестована. Обязательства её ареста разнятся – согласно обвинению военного трибунала от 22 января 1943 года (то есть через 9 дней после ареста) Залилову Х. М. обвинили в чтении немецкой листовки, распространении пораженческих настроений, критическом высказывании о Сталине и колхозном строе. Как отмечает оренбургский краевед Вильям Савельзон, неоднократно встречавшийся с Хадичей Мустафовной: «в землянке, в компании подружек-связисток сказала что-то насчет излишних славословий в адрес Сталина, воюет, мол, народ». Это и стало её «преступлением».

В дни, когда разворачивалась эта драма, в февральском Берлине пленный Джалиль пишет свое веселое стихотворение «Хадича», где героиня совсем не похожа на его сестру, но родное имя совпадает, словно передавая привет.

*Хадича тонка, как ветка,
И с гуляния нередко
За полночь она приходит:
Любит погулять соседка.*

*Старый сторож рано что-то
Затворил вчера ворота
И заснул к ее приходу.
Как же быть ей? Вот работа!*

Приговор – 10 лет исправительно-трудовых лагерей и 3 года поражения в правах. 9 лет Хадича Мустафовна провела на Урале в тюрьме города Нижний Тагил Свердловской области. В 1952 году Хадича вернулась на свободу, в ноябре 1959 года полностью реабилитирована. «Приговор военного трибунала Брянского фронта от 22 января 1943 года в отношении Залиловой Хадичи Мустафовны отменен, и дело прекращено за отсутствием состава преступления», – так было указано в выданной ей справке.

После освобождения Хадича приехала в родной Оренбург, её муж погиб на фронте, замуж больше она не вышла. В 1965 году умерла её сестра Зайнаб и Хадича взяла на воспитание племянницу, которая окончила в Оренбурге факультет иностранных языков педагогического института. Сама Хадича Мустафовна до выхода на пенсию работала метеорологом, хотя значительную часть времени теперь занимали приятные хлопоты – поездки и выступления с рассказами о Джалиле. Часто бывала Хадича Мустафовна в Казани, где поддерживала общение с друзьями Джалиля – Гази Кашшафом, Хасаном Туфаном, Гумером Башировым, Афзалом Шамовым, Шайхи Маннуром, Ахметом Исхаком. Татарские писатели относились к ней с почетом. В Казани жил и двоюродный брат, ведущий актер Камаловского театра, народный артист СССР Халил Абжалилов.

Присутствовала Хадича и на открытии памятника Мусе Джалилю у Казанского кремля в 1966 году. Тогда это был первый памятник Джалилю. Через 10 лет, в феврале 1976 года памятник работы оренбургского скульптора Надежды Петинной появился и в родном Мустафино. Музей в Мензелинске, музей-квартира в Казани, мемориальная доска в Москве. Все это она застала.

Оренбург оставался родным домом, и в какие дальние поездки не отправлялась бы Хадича Мустафовна, она всегда возвращалась в этот город. Часто она вспоминала лучший и совсем короткий отрезок судьбы, когда в 1926-27 гг. жила с братом и мамой в Зауральной роще, в маленьком домике на участке, принадлежавшем их родственникам. Муса тогда работал инструктором татаро-башкирской секции губернского комитета комсомола.

В Оренбурге все напоминало о брате – старое здание бывшего медресе «Хусания», где учился Муса, а отец работал в хозяйственной службе; родные улицы; еще живы были и оренбургские комсомольцы 20-х гг., хорошо помнявшие брата.

А в окрестностях Оренбурга любила Хадича Мустафовна старинную Татарскую Кругалу, где часто бывала и где завещала себя похоронить. Её воля была выполнена.

Фотография, публикуемая ныне, памятная многим и известная, снята в Оренбурге осенью 1927 года. Муса Джалиль уезжал в Московский университет и на прощание сфотографировался с мамой и Хадичей.

Ханиса Алишина, доктор филологических наук, профессор

Ахметвали Менгер и

“ПОЧЕТНЫЕ БУХАРЦЫ”

Ахмет Вали Менгер (1891-1978)

Имя известного общественного деятеля Ахмедвали Менгера вошло в историю татар Сибири благодаря его трудам «Нигъмәтулла хажи Карамшак турында» и «Имтиязлы бохаралылар», опубликованным в журнале «Kazan».

«Kazan» - литературно-художественный, политический и научный журнал. Орган общества культуры и взаимопомощи казанских тюрков. Издавался в 1970-80 годы в Анкаре, Стамбуле на татарском языке, вышло в свет 23 номера. Издатель - Ахмедвали Менгер, редакторы - Рифкат Мухтасип, М. Алюкей, ответственные секретари - Надир Девлет, Р. Аги».

Выдержка из статьи А. Менгера «Нигъмәтулла хажи Карамшак турында» опубликована нами в 1999 г. в следующем изложении: «В д. Малчын было семь мечетей, несколько школ, в т.ч. для девочек. Нигъмәтулла хаджи много усилий приложил, чтобы в школах преподавали по методу джадид. В 1905 г. во время сильного пожара выгорела вся деревня. Нигъмәтулла хаджи пожертвовал 50.000 рублей. Когда понял, что этих денег не хватит, поехал на Макарьевскую ярмарку и взял деньги в долг под 5 % годовых. Каждой семье дали землю, лошадь, корову, закупили материалы и в течение года все заново отстроили по специальному плану архитектора. Выстроили две мечети, пять школ - три начальные, две средние. Младший сын муфтия Татарстана Ризы Фахретдинова (1859-1936) Габделахат, имеющий высшее с/х образование, работал здесь. Они первыми создали кооператив. К 1912 г. жители Ембаево были готовы вернуть долг. Я специально ездил в Тюмень на ярмарку в 1911 г. и был в Малчын, видел все своими глазами. В деревне жило 800 человек.

Управлял делами Габделахат Фахретдин. А долг купцы решили не брать. Посоветовались и направили деньги в Петроград, где строилась мечеть».

Другая статья Ахмедвали Менгера «Имтиязлы бохаралылар» или «Почётные бухарцы» впервые вводится здесь в научный оборот на русском языке и приводится ниже:

«Казанское ханство до московского завоевания вело караванную торговлю с Туркестаном. В те времена власти Туркестана и близко не подпускали на свою территорию купцов немусульманского вероисповедания. Московское княжество в своих корыстных целях подбирало наиболее способных молодых мусульман, обучало их и старалось внедрить в Туркестан. После падения Казанского ханства бежавшие татарские купцы продолжали

вести караванную торговлю с Туркестаном, Казахстаном, Китаем (советую изучить работу Вамбери «Путешествие в Туркестан»).

Казанские купцы вели торговлю, направляли в Бухару шакирдов для изучения ислама. Многие из шакирдов оставались жить в Бухаре, создавая семьи, они были доверенными лицами казанских купцов. Русские внедряли своих агентов в ряды шакирдов.

Туркестанцы исповедовали суннитский масхаб, а потому враждовали с иранцами. Они не использовали достижения иранской культуры, равно как и арабской культуры. Бухара в то время имела большое значение. В исламском мире к названиям только трех городов добавлялось слово «Шариф»: Кодусу-Шариф, Шам-ы Шариф, Бохара-и Шариф. «Несчастье» Бухары состояло в религиозных связях с Афганистаном и Индией: в этих странах проживали фанатики ислама. Столицей арабско-исламской культуры считался Багдад. Багдадский университет был светочем знаний, даже западные не-исламские государства дружили с ним. Арабы смогли донести свою культуру до Испании и Европы. Так распространялся ислам, а вот Туркестан (Бухара) были лишены этого.

Казанцы в Бухаре не могли найти для себя достойных учителей, их задача сводилась к безупречному овладению арабским языком. Они могли повысить уровень знаний лишь в библиотеках, читая и переписывая книги. По возвращении в Казань все полученные знания передавали народу.

Туркестанские власти узнали, что среди шакирдов и купцов имеются русские агенты. Они выявили их и наказали. В результате агенты были высланы из страны. В конце XVII в. московские власти переселили этих агентов в область Тобольска, освободив их от воинской и ясачной повинности, подарили землю, имения, живность. Это были Тюменский, Тобольский и Тарский уезды. Они называли себя татарами, открывали школы-медресе, в которых обучение велось на татарском языке.

дей, как уважаемый учёный Рашит-кази Ибрагимов, а также мударрис Хабир (фамилию я не помню), Нияз и Уразмухаммет Сулеймановы, Рахматулла Янгуразов и Жихангир Абызгилдин. Мударрис Хабир организовал медресе в Краснояре (Петропавловске). Рашит Ибрагимов является учеником мударриса Хабира (он сам пишет об этом в книге «Тәржемәи хәлем яки башыма килгәннәр»). Число учеников, приезжавших в медресе мударриса Хабира, достигало 100 человек, в том числе до 90% составляли казахи. После кончины мударриса Хабира его дело достойно продолжили Хуснутдин Галяутдин, Динмухаммет и другие трудолюбивые, добросовестные и любящие свой народ личности...

Из Казани в Троицк переехали братья Яушевы, которые в 1828 г. в Ташкенте построили трехэтажный торговый дом. Они завоевали популярность во всем Туркестане тем, что давали людям долгосрочные кредиты, товары первой необходимости выдавали под небольшие проценты. Их фирмы, существовавшие в Троицке, Челябинске, Кустанае, даже отметили 100-летние юбилеи.

В 1872 г. Ташкент присоединили к России. Руководителем был назначен весьма легкомысленный человек - князь Константин, получивший в народе прозвище «Тиле Константин». Казанских тюрков в Ташкент не пускали, а тех, кто там жил, начали выселять.

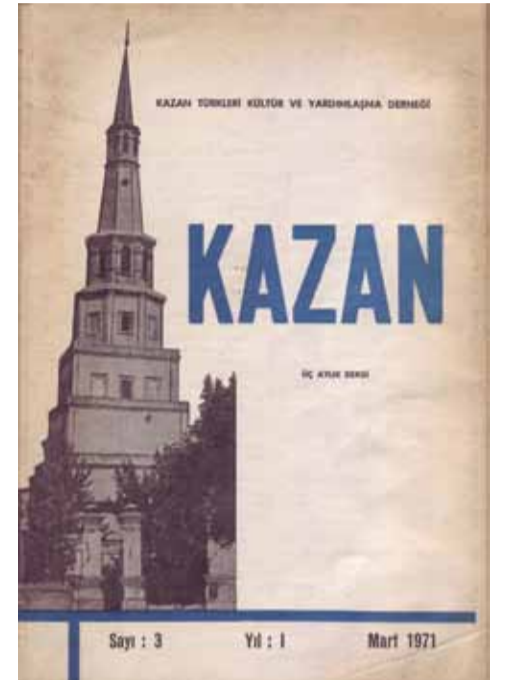
Один из Яушевых по имени Шариф привез из Москвы красивых цыганских девушек, которые прибыли вместе с караванами, других путей тогда не было. Веселые вечеринки с участием цыганских артистов помогли склонить на свою сторону великого князя Константина. В итоге, все Яушевы, Сутушевы, Уразаевы, генеральный директор всемирно известной транспортной немецкой фирмы имени Гергора Гейни Хусайн Бурнашев, а также представители 50 татарских семей, живших в Троицке, получили звание «почётных бухарцев». Таким образом, эти люди, проживая в России, назывались «почётными бухарцами» и пользовались такими важными привилегиями, как освобождение от воинской и ясачной повинности.

Яушевы, перед которыми открылись новые перспективы, построили фабрики по переработке шерсти, кожи, хлопка, мыловаренные и маслодельные предприятия. Для своих мукомольных мельниц они стали выращивать зерновые в самом Туркестане. В Мавераннахре (область Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи) в 8 местах установили паровые машины для полива огромных земельных площадей. По их примеру «Русско-китайский банк» (переименован в «Русско-Азиатский банк») тоже начал возводить свои поливальные установки. В России в то время насчитывалось до 70 самых богатых фирм, из них 54 владели Стахеевы, а 16 - Яушевы.

В 1911 г. я был в Ташкенте, своими глазами видел эти удивительные установки. Между прочим, купцам Яушевым там принадлежала и гостиница «Американская» (директор Сутушев). Местное население не имело крупных магазинов, только армяне Вадаевы владели небольшим магазинчиком.

Яушевы внесли большой вклад в развитие культуры и системы образования. Они открыли в Туркестане несколько школ, работающих по новейшим методикам. В 1917 г. организовали довольно большое издательство и начали выпускать ежедневную газету «Великий Туркестан» на языке местного населения. Главным редактором стал Кабир Бакиров, приглашенный из оренбургской газеты «Вақыт».

Возвращение «почётных бухарцев» из Туркестана в Россию длилось до начала XX в., но самое большое переселение

было в XVIII в. Они себя называли татарами и в подавляющем большинстве были казанскими татарами».

Значение приведенных выше статей трудно переоценить, они не потеряли свою актуальность вплоть до наших дней. В XVIII в. в Тобольском, Тюменском и Тарском уездах были образованы отдельные бухарские волости, которые просуществовали более 100 лет до начала XX в. Еще во время переписи населения 1926 г. многие жители с. Малчын (офиц. Ембаево) в графе «национальность» записывали себя бухарцами, но они до сих пор не могут объяснить, какова их история, на каком языке разговаривали их предки: «Ирек Уразой - старожил нашего села, когда-то в молодые годы учился в Стамбуле. Он хорошо владел турецким языком и языком фарси. Я спрашивал еще у него о языке общения в селе: почему они говорили не по-узбекски, коли считали себя бухарцами? Ответ был таков: «Видимо, этот народ жил вблизи границы с Персией (Иран), хотя и Бухарское ханство сейчас представляет Узбекистан. Этот народ больше разговаривал на иранском, чем на узбекском...» (из беседы с Садыковым Нурисламом Садыковичем).

Сибирским бухарцам посвящено немало работ. Г.Ф. Миллер в «Истории Сибири» рассматривает бухарцев с точки зрения торговой деятельности, распространения ислама среди местных тюрков и политики государства по поддержанию связей с государствами Средней Азии. О бухарцах писали в своих трудах С.В. Бахрушин, Х.З. Зияев, Ф.Т. Валеев, Томилов Н.В., Гарифуллин И.Б. и др. Сегодня принята научная концепция о том, что сибирские татары исторически сложились из основных этногенетических компонентов - ясачных татар, служилых татар, бухарцев. Ахмедвали Менгер, в отличие от названных выше учёных-историков, достаточно чётко на конкретных примерах объяснил механизм происхождения почётных бухарцев, сказал, что в основе своей они были татары и язык их - татарский.

Биография Нигматуллы-хаджи Сайдукова сына Карамшака продолжает волновать татарскую общественность Сибири в связи с тем, что сейчас на базе мечети имени Нигматуллы-хаджи Сайдукова в Ембаево открыт Исламский культурный центр, проводятся курсы повышения квалификации имамов Тюменской области, работающих в более чем 80 мечетях края. В связи с актуальностью темы в 2016 г. мы опубликовали в сборнике «Сулеймановские чтения» большую статью «История села Ембаево. Нигматулла-хаджи. Автобиография».

Имя Ахмедвали Менгера занимает почетное место в ряду зарубежных татарских общественных деятелей, внёсших значительный вклад в науку. Прочтение воспоминаний дочери Сафии Имре, ту-рецкого историка Надира Девлета, за-

Ахмет Вали Менгер с женой Айша ханым и дочерью Сафией

ключительной статьи академика М.А. Усманова, содержащихся в книге «Әхмәтвали Мәнғәр. Хатирәләр», позволяет сделать вывод о том, что предки Ахмедвали Менгера приблизительно в XVII в. переселились из Поволжья в Сибирь. Можно предположить, что они основали д. Менгарскую, которая до наших дней существует недалеко от Тюмени. В 1970 г. здесь проживало 199 человек, в 1989 - 100 человек, в 1996 г. - 95 человек. Деревня заселена казанскими татарами. «Мингер (Миңгәр) - село в 8 км от с. Богатые Сабы в Сабинском районе РТ. Основано в период Казанского ханства. 290 жит. Известно валяльно-войлочным, портняжно-шапочным промыслами».

Ахмедвали Менгер прожил долгую счастливую жизнь. Он родился 13-м ребенком в большой купеческой семье, получил прочные знания основ ислама сначала в семье, а затем в медресе. Став взрослым, проживая в России, Китае, Турции при необходимости проводил обряды имянаречения, никаха, пятничных и праздничных намазов. Это был прогрессивный человек с передовыми взглядами, знавший в совершенстве несколько иностранных языков. Он много читал, основал и финансировал журнал «Kazan», сам являлся автором публицистических работ, был обладателем огромного эпистолярного наследия. Доктор исторических наук, профессор Надир Девлет вспоминает, что Ахмедвали Менгер дружил с такими великими людьми своего времени, как Габдулла Кари, Сахибжамал Гиззатуллина, казахский поэт Мир-Якуб Дулатов, кази Зыятдин Камали, родные братья Буби, Хади Атласи, Рашит-кази Ибрагимов, муфтий Галимзян Баруди, муфтий Риззатдин Фахретдин, Фатих Амирхан, Юсуф Акчура, Гаяз Исхаки.

По приезду в китайский город Танзин Ахмедвали Менгер организовал татаро-турецкое общество. Он интересовался жизнью татар и башкир, проживавших в Китае. 4-15 февраля 1935 г. в г. Мукдене (Маньчжурия) под руководством Гаяза Исхаки был организован «Курултай турецко-татарских мусульман Дальнего Востока». Ахмедвали Менгер был председателем всех заседаний. Тогда же была организована Конфедерация волго-уральских татар, председателем которой избрали Гаяза Исхаки, а заместителем - Ахмедвали Менгера. После отъезда Гаяза Исхаки в Европу фактически главой Конфедерации становится А. Менгер.

Группа сибирских бухарцев в начале XX века

Надир Девлет считает Ахмедвали Менгера одним из самых близких людей, сыгравших большую роль в его личном становлении и формировании как личности. Он общался с Ахмедвали Менгером в течение десяти лет, почти полгода работал у него личным секретарем. После службы в армии и учёбы в Германии Надир Девлету довелось выполнять миссию ответственного секретаря в журнале «Kazan». По его признанию, Ахмедвали Менгер - легендарная личность, которого отличала преданность и большая любовь к родному народу, стремление бескорыстно помочь и материально поддержать татар, проживающих вдали от исторической родины в разных частях света.

Доктор исторических наук, профессор Казанского федерального университета И.Р. Тагиров пишет: «Филиал «Мерседес Бенц» в Турции основал крупный татарский предприниматель Ахметвали Менгер. Этот сердобольный и щедрый человек помог встать на ноги многим молодым татарам. Журнал «Kazan», выпускавшийся местными татарами, также финансировал он. Надир Девлет стал знаменитостью благодаря покровительству этого человека. Много сделал он и для Махмута ага Ураллы.

Впрочем, Махмут ага — это особая история. Он родился и вырос в Башкортостане. В начале Великой Отечественной войны 17-летним парнем он добровольно уходит на фронт. Там попадает в плен. По окончании войны, несмотря на то, что находился в американской зоне оккупации, по достигнутым договоренностям должен был быть отправлен в СССР. Там его, как и других пленных, ждала Сибирь. Но над ним сжалились. Поляки и американцы разработали план его спасения. По этому плану Махмут был представлен соответствующим органам как уроженец татарской деревни Кырыктатар (сорок татар), расположенной в Польше. Следовательно, он не гражданин СССР. Так был спасен Махмут ага.

Некоторое время он живет в Германии, где и попадает в поле зрения Ахметвали Менгера и становится его надежным помощником. В последующем Махмут ага и сам вырастает в крупного бизнесмена и так же как и его покровитель оказывает всяческую поддержку татарам Стамбула. Его дочь Гультен — достойная представительница своего народа — становится одним из руководителей татарской общины Стамбула. Созданный ею ансамбль объезжает с пропагандой татарской музыкальной культуры не только Турцию, но и ряд стран Европы и Латинской Америки.

В самые трудные периоды нашей истории Турция была важной опорой тюркских народов. Многие видные татары, скрываясь от преследований властей, находили в этой стране надежный приют. До революции там жили и работали Рашит Ибрагимов, Юсуф Акчура, Гаяз Исхаки и ряд других общественных деятелей. Свою знаменитую пьесу «Зулейха» Гаяз Исхаки написал в Турции. Однако последнюю точку в ней поставил в Петербурге, куда в 1913 г. вернулся по подложному паспорту. Завершив пьесу, он вышел на улицу. Видимо, не знал, что к нему приставлен «хвост». И когда давно следивший за ним сыщик окликнул его «Гаяз!», он повернулся в его сторону. Этого оказалась достаточно, чтобы Исхаки снова оказался в тюрьме.

Так случилось, что последние годы своей жизни он тоже провел в Турции. «Если умру в России, похороните меня рядом с Тукаем, а если в Турции, положите рядом с Акчурой», — говорил он. Его могила в Стамбуле находится рядом с могилой Юсуфа Акчуры».

На примере жизни и деятельности купца, мецената, общественного деятеля Ахмедвали Менгера мы еще раз убеждаемся, татары — один из древних и культурных народов России, имеющих многовековой опыт мирного сожительства с другими народами в иноязычной и инокультурной среде. Оказавшись по воле исторических событий в разных странах мира, татары дальнего зарубежья с уважением относятся к общественному и государственному строю страны проживания, достойно выполняют свои гражданские обязанности, всячески помогают своим соотечественникам.

г. Тюмень

Зимние забавы

Есть категория людей, которые не только могут устроить праздник себе, но способны заразить хорошим настроением многих других. Порой у тех, в чьи должностные обязанности организация массовых гуляний не входит, это получается лучше, чем у специалистов.

Праздник устроенный Рафеком Валитовым, его семьей и друзьями в Медянах 2 января, надолго запомнится всем, кто успел проснуться вовремя и пришёл покататься с горки в этот день. Накануне праздника Рафех Усманович отметил свой юбилей и захотел поделиться радостью со всеми. А непосредственно второго числа уже его супруга Эльмира отмечала день рождения.

Организаторы заблаговременно расчистили площадку для гуляний, установили и нарядили красавицу-елку, подготовили место для парковки автомашин многочисленных гостей. Одними из самых дорогих гостей стали воспитанники Сергачского реабилитационного центра для несовершеннолетних «Надежда», которых организаторы пригласили и привезли на праздник. Накануне семья Валитовых побывала в «Надежде» с подарками.

Все желающие могли прокатиться на лошади, запряженной в сани. От ребятни не было отбоя. Здесь же кипели пузатые самовары и каждый мог попить чаю с горячими перемячами. На импровизированной сцене выступали артисты из Москвы, в том числе и сам Рафех Усманович, проходили конкурсы для детей и взрослых: водили хоровод, перетягивали канат. Дед Мороз со Снегурочкой дарили маленьким гостям подарки.

Главное действо происходило на горе, откуда с веселыми криками съезжали любители острых ощущений разных возрастов. Помимо популярных сегодня «ватрушек» и снегокатов, здесь можно было увидеть раритетные экземпляры санок. Ветеран педагогического труда Гаяр Иметдинов по старым дедовским чертежам соорудил традиционные для наших предков средства для спуска с горы - клима, напоминающие уменьшенные лошадиные сани, и чуман - круглое решето, смазанное снизу коровьими «лепешками» и покрытое льдом. По своим «скользким» качествам эти средства передвижения нисколько не уступают современным, а по колориту оставляют их далеко позади.

Праздник получился грандиозным и собрал сотни человек не только из Медян, но и со

2 января Нач. 11.00
ТАУ ШУУ БӘЙРӘМЕ!

Хөрмәтле авылдашлар, якташлар!

Мәдәнәдә, Әмир тавы урамында бәйрәмгә котен калабыз!

ПРОГРАММАДА:

- Элеккәге әби-бабайларыбыз куллана торган клима, цуман, тимер таякларда тау шуу;
- Жигүзе атта, чанада шуулар;
- Чырпы, уеннар һәм кыш бабай булаклары;
- Мәскәу етегеләре төркемнен эдәр һәм биво концерты;
- Кайнар самовардан чәй эчү, пылау, шашлык.

Машиналарга керер очен урынар, юзлар арчылачак!

Нижегородская область, Красносельский р-н, село Медяна

всего района, а значит можно надеяться, что такое мероприятие и впредь станет доброй традицией. Молодежь получила возможность лучше узнать и прочувствовать народные традиции, старшее поколение - с головой окунуться в ностальгию и вспомнить прошлое.

А еще Валитовы 1 января организовали настоящий новогодний праздник для проживающих в Доме милосердия в селе Уразовка.

Продолжением этой затеи стала и проведенное 2 февраля масштабное народное гуляние в парке культуры и отдыха «Березовая роща» г. Пушкино, что в Подмосковье. На зимнем празднике приняли участие не только представители Татарской национально-культурной автономии Москвы и Московской области, но и огромное количество москвичей и жители подмосковного города.

Рауф Вагапов

ЗИМНИЕ ЗАБАВЫ 2 февраля
КЫШКЫ УЕННАР с 11-00 до 16-00

Фестиваль Дружбы всех народов Подмосковья

ПКО «Березовая Роща»
Пушкино, мкр. Кудринка, ул. Октябрьская, рядом с д. 26

МООО «Татарский культурно-просветительный центр» совместно с РОО-ТНКА г. Москвы приглашают всех желающих принять участие в празднике **«КЫШКЫ УЕННАР» - «ЗИМНИЕ ЗАБАВЫ»**

- КАТАНИЕ НА ЛЫЖАХ, САНКАХ И КОНЬКАХ
- КАТАНИЕ С ГОРКИ
- ВЫСТАВКА (костюмы и предметы декоративно-прикладного творчества)
- КОНЦЕРТНАЯ ПРОГРАММА (песни и танцы)
- КОНКУРСЫ, ИГРЫ, ВИКТОРИНЫ
- НАЦИОНАЛЬНАЯ КУХНЯ (бесплатно плов и чай)

Бесплатный автобус от ж/д ст. Мамонтовская со стороны мкр. Кудринка
спонсор Транспортно-туристическая компания ИП Валитов Р.О.

Фәйрүзә
Мөслимова

Татар ӘЛИФБАСЫ

Алмагач утырттык әле
Әти белән икебез.
Алмалар өлгергәч, безгә
Кунак булып килегез.

Жиләккә чыктым аланга
Кәрзин тотып кулыма.
И сыйланам! Ә кәрзинем...
Ашыкмый шул тулырга.

Әтәч таңда уяна да:
"Кикрикү-ү-үк!" – дип кычкыра.
Уянырга, юынырга,
Эш башларга чакыра.

Запас жыйган житез тиен
Зур имән куышында.
Гөмбә дә бар, чикләвек тә...
Нигә кыштан куркырга?

Бишек жырын жырлап, әни
Сеңелемне йоклата.
Ул жырны өйрәнгән булган
Мин бәбәй булган чакта.

Имезлек бирдем энемә,
Көйсезләнеп елагач.
"Сабыр, хәзер ботка пешә,
Беләм инде, карының ач".

Һ

Вагоннары бик уңайлы –
Метроны мин яратам.
"Тагын төшик метрога", - дип,
Әнине аптыратам.

Йомырка салган да тавык,
Кыткылдый бар дөньяга:
"Хезмәтемне күрегез, - ди, -
Мактау кирәк миңа да".

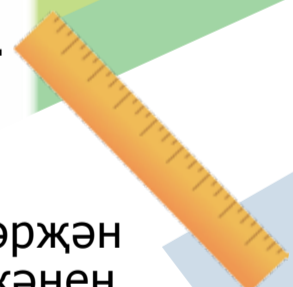
Гөлөндә күрше әбинең
Жимеш пешкән чиядәй.
Алдым каптым, борыч икән,
Телне өтте, ай-яй-яй!

Кәбестә, кыяр, кабак
Бакчада үсә безнең.
Мул булыр табыннарыбыз –
Жыеп алырбыз көзен.

Дәфтәрәмә хәрефләрне
Язам сәйләндәй тезеп.
"Биш"ле куйгач үзләренә,
Һәр бите тора көлеп.

Линейка белән сызабыз
Туры сызык дәфтәргә.
Булыша ул безгә тагын
Озынлыкны үлчәргә.

Ерганактан кар сулары
Челтерәп аккан көйгә
Кушылып йөзә мин кәгазьдән
Ясаган кораб-көймә.

Муенсасы энже-мәржән
Күрше кызы Иркәнең.
Бүләк иткәннәр үзенә
Бигрәкләр килешкәнән.

Н

Ёлка-ёлка, дип жырлайбыз
Йөрөп чыршы тирәли.
Аннан чыгарып ташларлар...
Ник кисәләр жәлләми?

Намазлыкка басса әби,
Йөрибез шыпырт кына.
Комачауларга ярамый
Аңа намаз укырга.

Журналлар күп, минем өчен
"Тылсымлы куллар" килә.
Мавыктырып, кызыктырып,
Бик күп дәресләр бирә.

Уңыш сүзенә керә ул,
Кыңгырау чыңында бар.
Навазын күп сүзләргә
Кушып сөйләшә татар.

Балам-багам

Оя корган карлыгачлар
Тэрэзэ кэрнизенэ.
Бөжәкләр аулап очалар
Көн дә бәбиләренә.

Өчпочмаклар – табын күрке
Өйгә кунак төшкәндә.
Гаиләбез белән бергә
Утырып чэй эчкәндә.

Песиебез хэйләкәр соң –
Жылы урын ярата:
Минем юрганым астына
Йокларга кереп ята.

Рәсем ясадым, карагыз,
Төсле буяулар белән.
Зәңгәр һава, сары кояш,
Ал чәчәк, яшел үлән.

Сабын белән бит-кулымны
Юдым бакчада кичтән.
Иртән торсам, юк сабыным –
Саескан алып киткән!

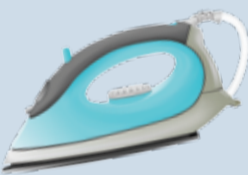

Тәсбихын минем әбием
Хөрмә төшеннән тезгән.
Истәлек, ди, пәйгамбәрнең
Эзләре калган жирдән.

Улак ясадык чишмәгә,
Челтерәп ага суы.
Зәңгәр чиләгемне куйдым,
Шундук мөлдерәп тулды.

Үтүкне оста йөртәм мин –
Үтүкләмим ни генә!
Күлмәк, кофта һәм яулыктар...
Ярдәмче мин әнигә.

Фил аркасына атланып,
Биш әйләндем урамны.
Гажәпләнеп карамагыз:
Төштә күрдәм боларны.

Хат язышып яшәгәннәр
Элек дуслар, туганнар.
Ул чакта шул безнекедәй
Телефоннар булмаган.

Циркта бии жәнлекләр,
Иректә биемиләр.
Анда бит, сыйпап-юмалап,
Кәнфит-шикәр бирмиләр.

Чәкчәк – затлы күчтәнәч тә,
Чәкчәк – татлы тәгам да.
Кояш нуры төшкән кебек
Чәкчәк булса табында.

Шомыртлар чәчәк атканда
Хуш искә тула дөнья.
Жимешен дә яратабыз,
Бигрәкләр тәмле була.

Щётка белән чистартканга,
Тешләрем тора балкып.
Әбием мактый аларны
Энжеләргә охшатып.

Ышкы тоткан да кулына,
Әти такта шомарта.
Эткә яңа оя ясый,
Ул бар эшкә дә оста!

Этебез мине мәктәпкә
Озата бара көн дә.
Чамалый бит: дәрес беткәч,
Каршы алырга килә!

“Ю, ю! – диеп, әни миннән
Савыт-саба юдыра.
Әбием тора елмаеп:
“Афәрин! – ди, - булдыра!”

Ябалак көндез йоклый да,
Төннәрен ауга оча.
Чынаяк кадәр күзләре
Очар юлын яктырта.

Һөд-һөд кошы дусты булган
Сөләйман пәйгамбәрнең.
Ул пәйгамбәр әле тагын
Буйсындырган жәннәрне.

Ъь, Ъь
Нечкәлек тә, калынлык та
Белдерми авазларны.
Тик нечкәртә, калынайта
Кирәк чакта аларны.

Аида Соболева, журналист радио «Голос Ирана»

Развивать душу человека

Мы познакомились с Наилей Нигметзяновой во время пленэра-симпозиума, проходившего под эгидой Союза художников Татарстана в селе Адав-Тулумбаево Буинского района в 140 км от Казани. Спонсор пленэра – бизнесмен Раиль Садриев – попросил художников, живших две недели в построенной им гостинице, оставить для ее галереи по одной картине, тематически связанной с этим селом, где когда-то его отец и дед были председателями колхоза. В пленэре участвовало 12 художников. Большая часть из них написала портреты выдающихся людей села. Кто-то написал натюрморты, передав своеобразный интерьер гостиницы «Тамак». Наиля оставила на холсте образ одной из улиц Адав-Тулумбаево.

Пленэр проходил в середине января. В это время с природы можно делать только наброски и поскорее идти в тепло, отряхивая живой снег с нарисованного. Но Наиля любит зимние пейзажи – ей нравится «ловить» многочисленные оттенки снега, движения гнущихся от ветра деревьев, следить за игрой поземки и переносить на лист контуры зданий, измененные снежным покровом. Ее сельский пейзаж запечатлел в пасмурный день несколько занесенных снегом деревянных домов, над одним из которых возвышается минарет сельской мечети. Картина написана неяркими красками, но она невольно притягивает взгляд гармонией зимнего покоя, сохраняющего вечное тепло жизни.

Наиля Нигметзянова родилась в 1968 году в Чистополе – небольшом городе Татарской АССР на живописном берегу Камы. Уже в 4 года в детском саду с увлечением лепила пластилиновых зайчиков и волков за всю группу – у нее это получалось быстро и хорошо, а главное, ей это очень нравилось. Когда ей было 11 лет, к маме зашла знакомая, окончившая художественное училище. Гостя

Наиля Нигметзянова за работой в селе Адав-Тулумбаево

взяла карандаш и прямо на глазах нарисовала портрет старшей сестры. Увидев это чудо, Наиля твердо решила, что станет художником. Зная из телепередач, что художники рисуют на холстах, девочка натягивала на самодельные подрамники мамины старые простыни и рисовала в свое удовольствие. После 8-го класса она, без всяких репетиторов, поступила в Лениногорское художественное училище. Училась на одни пятерки и защитила диплом по живописи на «отлично», избрав специализацию «портрет». Собиралась продолжить образование в Москве или в Ленинграде. Но случилось несчастье: тяжело заболела мама и умерла в возрасте 43 лет! Оставшись одна, без средств к существо-

ванию, 17-летняя Наиля не рассталась с мечтой стать художником. Один год она преподавала в Художественной школе г. Чистополя, а потом поступила на художественно-графическое отделение Педагогического института г. Набережные Челны.

– Для меня это было полное спасение! Оно было не только в том, что я для себя какое-то образование продолжаю, но и в том, что я попадаю в общежитие, в «семью», – вспоминает Наиля Нигметзянова. – Если бы я не уехала тогда, я могла бы сломаться. Мне было очень тяжело ощущать эту внезапную пустоту в родительском доме! А в Челнах, в общежитии, все без мам, без пап, все одинаковые. Я активно занималась разными видами творчества, сочиняла

музыку, стихи, много рисовала. В настоящее время Наиля Нигметзянова живет и работает в своем родном городе. Она создала творческую студию, которая существует при Музейном объединении Чистополя и стала настоящим культурным центром в этом городе.

Наиля член Союза художников Татарстана. У нее было 7 персональных выставок в Чистополе и Набережных Челнах, также она принимает активное участие в совместных выставках, организованных СХ РТ. С коллективом художников работает на пленэрах в разных уголках Татарстана и в Крыму. В прошлом году коллеги отметили 50-летний юбилей Наилы Нигметзяновой.

Я спросила Наилю, что для нее главное в создании картины.

Вот что она ответила:

– Раньше для меня главным в работе была гармония – чтобы «посмотрел и душа радовалась». Это, конечно, осталось. Но сейчас для меня стала более важной познавательная сторона. Я хочу, чтобы картина не просто развлекала или украшала интерьер, она должна развивать душу человека, открывая ему что-то новое. Если это портрет – в нем обязательно должна быть психология. Если городской пейзаж – история. Если натюрморт – этнография.

– А кто приходит заниматься в вашу студию?

– У нас две группы – взрослая и детская. Самому младшему студийцу 5 лет. А самой старшей «девочке» из взрослой группы – 82 года. Студия называется «ШАР» – Школа академического Рисования. Мы начинаем с азав – как держать карандаш – и проходим все этапы обучения ИЗО через классику: построение, пропорция, перспектива, композиция... Только после того, как они это освоют, начинается свободное творчество. Во взрослой группе в основном женщины. По своей основной профессии все очень разные: учителя, медики, физики, экономисты. Я прошу студийцев чаще посещать художественные выставки, приучаю анализировать картины, дискутировать и двигаться дальше с новой информацией. В детской группе в этом году десять человек. Мы изучаем разные техники и учимся мастерству художника. Детям тоже очень нравится.

Пленэр в Адав-Тулумбаево закончился, и Наиля, захватив несколько этюдов, написанных в этой точке земного пространства, вернулась к своим студийцам в Чистополе. Наверно, художник для того и приходит на эту землю, чтобы научить людей по-другому смотреть на привычные вещи, побудить их к созданию гармонии, которая развивает душу и соединяет сердца.

Н. Нигметзянова. Дом Мельникова в Чистополе

Детская группа студии ШАР. г. Чистополь

Ркаил Зайдулла

Зульфат

Он и внешне выглядел как поэт. Во всяком случае, многие представляют себе поэтов именно такими. Впечатление, произведенное человеком, когда его видишь впервые, остается на всю жизнь. Вот он — среднего роста, худощавый, стройный; голубоглазый блондин с прямым носом и пышной кудрявой шевелюрой, прижатой, словно из опасения утратить ее раньше времени, иссиня-черным каляпушем. И это в середине 70-х! Ходить в таком каляпуше или тубетейке уже само по себе казалось признаком смелости. Мы и сегодня-то редко надеваем такое, разве что по праздникам или собираясь в мечеть. Но для Зульфата ношение каляпуша, по-тукаевски, было проявлением независимости, своеобразным бунтом против подавления национального своеобразия. Его мятежный характер обнаружил себя и в стихотворении «Чакырылмаган кунак дошманга ул, Көтеп алган кунак — дусларга» («Незванный гость врагам он только, а долгожданный гость — друзьям») с эпиграфом «Незванный гость хуже татарина», прочитанном им на празднике поэзии, который проводился тогда в самом центре Казани, у памятника великому поэту. В душе романтик, Зульфат был всё же реалистом, с трезвым умом и холодным рассудком. Таким в нашем мире живется тяжело: остается или приспособиться, или отрешиться от внешнего мира, замкнувшись в себе. Он выбрал последнее.

Однако это не было полным отказом от окружающего мира, от друзей, знакомых. Зульфат, с его широкой душой и общительностью, просто не мог бы так существовать. Он всего лишь поставил себя вне писанных и неписанных законов жизни, не признавая их и не желая вступать с ними в противоречие. Жил по-своему — свободно и независимо. Это не могло не отразиться на его лирике — необъятной и бескрайней, как небо! В стихах ни себя, ни других не обманешь — если внутри тебя живет презренный раб, он обязательно проявится, найдет среди строк удобное для себя место, устроится там как в клетке.

Писателей часто приглашают на литературные встречи. Зульфат почему-то не любил такие мероприятия и редко их посещал. Не помню, чтобы он участвовал и в часто проводимых в те годы Днях литературы. Видимо, считал, что намного полезней читать произведения, чем лицезреть автора. Действительно, нигде больше, как в своих стихах, не раскрывает так искренне поэт самые потаенные уголки своей души. А настоящему поэтическому творению искусственные опоры и не нужны.

В конце 80-х годов мы с Лябибом Лероном пытались «вытащить» его на встречу в университетское общежитие, которое сами недавно, закончив вуз, покинули. Зульфат тоже когда-то учился на нашем татарском отделении, участвовал в дея-

тельности литературного объединения «Эллуки». И хотя мы жили уже в новом здании, дух свободы, присущий студенчеству, проник и туда. Зульфат вроде был и не против, но постоянно находил множество отговорок: то срочные дела, то недомогание. И лишь когда на намеченную встречу пригласили еще Радифа Гаташа, он, наконец, решился пойти. И, как я заметил, ничуть не пожалел. Возвращались мы вдвоем. Зима. Ночь. По тихим улицам метёт буря-поземка («жәяүле буран»). То и дело метель обнимала нас, ласкала шершавыми пальцами-снежинками наши лица. Зульфат погрузился в воспоминания. Он ходил в школу в соседнее село, когда к ним в класс пришел новый учитель татарского языка и литературы. Это был только что окончивший университет Радиф Гатауллин (будущий Гаташ!). Зульфат в то время сам — признанный на всю школу поэт. За ним тянулись и его друзья — Наис Гамбар, Фарит Гильми. И вот, в эту юную литературную среду в простой сельской школе попал самый настоящий поэт!

— Мы, новосаятовские, жили на квартире, в доме неподалеку от школы. Иногда, когда мы видели уже десятый сон, Гаташ запросто мог разбудить нас и позвать гулять. Невзирая на метель и вьюгу! Он, видите ли, только что написал стихотворение, и срочно хочет его нам прочитать. Потом наизусть декламировал Байрона, Бернса. Так и кружили по улицам деревни. Ночь, снежный буря... Благодаря тебе вот вспомнил те времена.

Затем, перескочив на другую тему (впрочем, в поэзии это естественно, логическую связь все равно можно обнаружить), начал рассказывать, как влюбился в адыгейскую поэтессу во время своей учебы в Москве. Наверное, эта возвышенная любовь как-то тоже была связана с буряном.

От улицы Кутуя до улицы Муштари (в то время Комлева) идти довольно долго. А буря все крепчает — разыгрался не на шутку! В те годы я жил в маленькой комнатке в пристройке здания Дома писателей. Пригласил к себе Зульфата на чашечку чая. По соседству со мной жил Сафуан Муллагали, переехавший в Казань из далекого города Маргилан, безумно влюбленный в поэзию и страстно мечтавший стать поэтом. По традициям восточного гостеприимства чайник у него всегда горячий.

Здание Союза, переданное в те времена писателям, сквозь снежные порывы ветра напоминало огромный дирижабль, готовый улететь в небеса. «Карлар төшми, карлар тик тора, тибрэнгэлэп, өскә күтәрелә безнең нәни иске йорт кына...» («Снег перестал идти, застыл, недвижим он, лишь устремился ввысь наш милый старый дом...»)

У бури есть своя гармония. Похоже, это поэтическая буря, и берёт она своё начало еще со времен Такташа. Порой и сей-

час я брожу по ночным улицам, пытаюсь найти его следы...

— Как-то Гаташу стало известно, что в село Амикево привезли фильм «Гамлет». «Никогда себе не прощу, если мы не посмотрим это кино!» — пригласил он нас с собой. Путь не близкий. Буря, метель, а мы, сквозь сугробы, упрямо идем знакомиться с Шекспиром...

А через несколько дней от прославленного поэта Нури Арслана пришло письмо. Оказалось, Радиф абый, никому не говоря, отправил некоторые стихи Зульфата в журнал «Казан утлары». «Ты нашел жемчужину в навозной куче!» — благодарил Гаташа аскал. Он заблуждался — в навозе такое не найдешь. Этот «жемчуг», несомненно, родился там, где бушуют белоснежные вьюги и метели.

Настоящий поэт вырастает из истории своего народа. Оттуда и глубина, и широта. Пожалуй, нет темы, которую бы не затронул Зульфат — его интересы и мышление достигали поистине космических скоростей и масштабов. Впрочем, так ли уж важна тема в поэтическом произведении?! Самое главное: в любом творении Зульфата — он сам. Здесь нет никакого лицемерия и пафоса. Он искренен даже в тех произведениях, которые писал по заказу редакции к какой-нибудь знаменательной дате.

Скорбь о печальной судьбе татарского народа, сомнения в его будущем и в то же время надежда (!) — не строятся на сухой риторике, как у многих лжепоэтов — а передаются через эмоциональные образы, красочные метафоры. Зульфат удивительно лиричный поэт. Его любовная лирика не похожа ни на чью другую: изумительная палитра переживаний, крылатая легкость выражений, искреннее поклонение. Потому что суть поэтического творчества не в мастерстве поэта (это подразумевается!), а в идущей из глубины души, искренней любви. «Увядаящая любовь» — писал еще Габдельжабар Кандалий. И, несмотря на строки «болытларга тиеп булмый: яшьлектәй изге сыман!» («до облаков не дотянуться: они, как молодость, священные!»), он до последнего вздоха оставался верен поэзии. Ураган, бушевавший в его сердце, достигал немислимых высот!

Его произведения наполнены эпической мощью. Сюжетные стихи, баллады настолько обогащают татарскую поэзию, что сами по себе достойны отдельного изучения. Использование поэтических приемов в описании событий, естественность диалогов персонажей — это еще одна грань творчества поэта — драматургическая. Эта особенность нашла отражение в его пьесах для кукольного театра, стихотворных переводах Шекспира и Лопе де Веги для театра имени Камала. Жаль, он не нашел времени, чтобы уделить внимание прозе. Мастерство построения сюжета, искрометное чувство юмора, всеобъемлющая мудрость его мыслей, несомненно, обогатили бы нашу литературу великолепными произведениями и прозаическими жанрами. Остается только сожалеть, помнить и хранить то, что есть. И вновь и вновь благодарить небеса за то, что дали татарам такого большого поэта.

...Любая смерть — печальна. А неожиданная смерть — печальна вдвойне. Услышав, что Зульфата не стало, я и сам не заметил, как закрыл уши руками. Да разве таким способом убежишь от скорбной вести?! Всего полгода прошло, как ушел из жизни Мударрис Аглям. Когда Зульфат

пришел проведать смертельно больного друга, его ждало ещё одно потрясение. Впавший в беспомощность Мударрис в бреду стал взывать к нему: «Зульфат! Зульфат! Встретимся 9 мая!»

Конечно, Зульфат, несмотря на настоящую мужскую дружбу с Мударрисом, встречаться на том свете с другом не спешил. Он любил жизнь! «Слава богу, 9 мая пережил!» — поделился со мной радостью по телефону. Оказывается, ему сделали операцию по удалению аппендицита. Она прошла успешно, скоро должны были выписать. Кто же знал, что это наш последний разговор? Через несколько дней позвонил Лябиб Лерон: «Зульфат абый ушел...» Куда ушел? Только что находился в больнице. Его что, уже выписали, и он куда-то уехал? Странно, не такой он человек, чтобы уехать отдыхать на море или в горы. Обычно все выходные и отпуск проводил на садовом участке в Киндерях. Разве что на несколько дней мог поехать в родные края.

Внуки поэта в объятиях бабая

Поэты Ркаил Зайдулла, Зульфат и Мударрис Аглям, 1997 г.

За десять месяцев до этого он написал в стихотворении на смерть Наиса Гамбара: «Безнең бәхет бары Мөслимдәдер... Кайтык әле, Наис, Мөслимгә бер» («Похоже, наше счастье — лишь в Муслимово... Поедем как-нибудь, Наис, в Муслимово»). Вот уже два года прошло, как Наис навечно вернулся в Муслимово. Стоп! Зульфат абый тоже ушел? «Инфаркт», — коротко пояснил Лябиб.

Ищем место для могилы в Новой Слободе. Свободных мест здесь уже нет. Но все же, по указанию сверху, место последнего пристанища для известных людей находят. «Пусть будет недалеко от Мударриса», — пожелал министр. Против такого пожелания никто не пойдёт. Да мы и сами хотели, чтобы их последние пристанища были как можно ближе. Директор кладбища указал на один участок возле дороги. Зброшенная могила с осколком замшелого камня. Удалось прочесть надпись. Оказалось, что полвека назад здесь была похоронена двадцатилетняя Наиля Валиева...

Зульфат и в могилу лёг, как настоящий поэт!

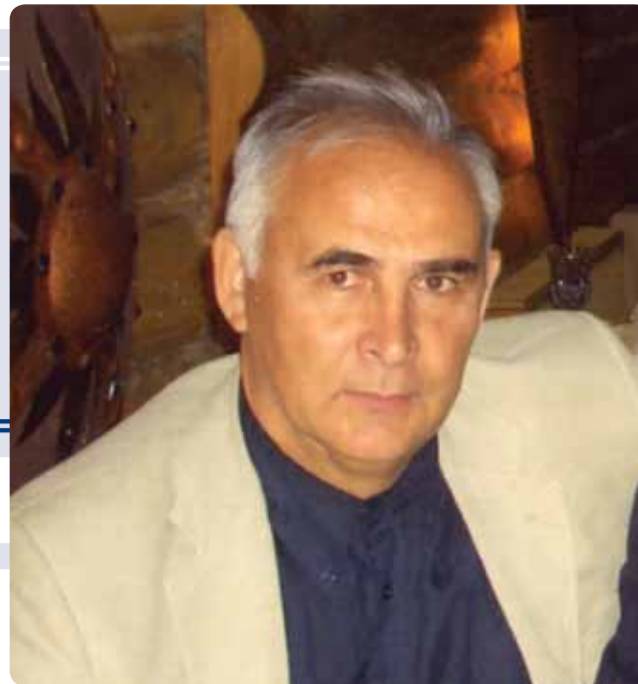
Удивительно солнечный день. Словно отрицая смерть, где-то среди ветвей заливаются соловьи. Как же берут за душу их трели! И поразительно, вдруг разом смолкли, едва тело поэта опустили в могилу.

И лишь чудилось завывание снежного бурана. Затем и оно стихло.

КНИГИ БЕРУТ ТОЛЬКО ЧИСТЫМИ РУКАМИ...

Интервью ведет корреспондент
«Бизнес онлайн» Елена Чернобровкина

– Ринат Сафиевич, вы родились в татарской деревне. Кто были ваши родители?

– Деревня, в которой я родился, называлась Малые Кирмени. Несмотря на слово «малые» в названии, это было очень крупное поселение в то время. Мои родители были простыми колхозниками. Отец выучился и стал первым шофером в Мамадышском районе. Но в деревне тогда машин не было, поэтому такая профессия отцу пригодилась только, когда его призвали в армию. Он свой срок отслужил, а когда вернулся, его направили на строительство завода в поселок Паратск, это нынешний город Зеленодольск. Папа и мама на стройку уехали вместе, там поженились, и до финской войны, которая началась в 1939 году, строили этот завод. Папу, который прошел службу в армии, был солдатом, прекрасно владел техникой, в первый же день призвали и отправили на советско-финскую войну. Он там воевал от начала до конца, даже попадал в плен, но сумел вместе с другими нашими солдатами сбежать. Когда вернулся домой, снова отправился на завод. Но началась Великая Отечественная война. И тоже с первого дня он ушел на войну, танкистом. Воевал во второй ударной армии под командованием генерала Андрея Власова. Того самого, который, попав в плен, согласился сотрудничать с фашистами. Отец был одним из немногочисленных танкистов, которые не сдались, сумели вырваться и вернуться на нашу сторону фронта. Отец много рассказывал об этом. После войны вернулся в деревню, начал работать, дети пошли...

– Что больше всего помните из детства?

– Ничего не забывается из детства. Помню прекрасную природу родного села. Помню, что каждый второй мужчина был или без одной руки, или без одной ноги – я же родился в 48-м, после войны. Эти фронтовики часто собирались или у нас дома, или в небольшом сквере напротив клуба, вспоминали фронт, бои... Помню, был сосед, который во время войны попал в фашистский плен. Председатель сельсовета и другие начальники на него смотрели косо. Когда в клубе собирались ветераны, то бывших пленных туда не приглашали. Помню, как сосед с горечью через окно клуба смотрел, как туда стекались его фронтовые друзья. Послевоенные годы были тяжелыми, но в то же время для нас, для детворы, для здоровых сельских ребят это были счастливые годы.

– Говорили в семье на татарском или на русском тоже?

– В нашей деревне русский язык знали только бывшие фронтовики. Отец прекрасно знал, и мать знала, потому что они работали на стройке в Паратске. Но вся деревня, конечно, и все окружающие села говорили на татарском. Я в те годы очень плохо знал русский язык, даже, можно сказать, почти не знал до восьмого класса. Хотя и учили его в школе, но практики-то не было.

– Кто в детстве и юности оказал на вас большое влияние?

– Прежде всего, родители и старшие братья. И потом, деревня тогда была единой, как одна семья. Каждый взрослый человек мог к тебе подойти и замечание сделать, а если ты как-то неправильно поступил, то и подзатыльник дать. Думаю, и в русских деревнях также было. Для меня моя деревня была как академия. Очень ценились народные традиции, им следовали все, с самого нежного возраста это впитывалось в твою душу, в твою кровь. Эта «академия» воспитывала каждого порядочным высоко нравственным человеком. Всегда с благодарностью вспоминаю тех замечательных людей, рядом с которыми рос, и у которых так многому научился. Маленький пример, я его запомнил на всю жизнь. Учился я тогда в первом классе. Пошел в библиотеку. Видимо, в огороде работал перед этим, не помню, просто руки грязные были. И библиотечкарь, Нурфига апа, вернула меня обратно домой, сказала: иди и хорошо, с мылом, вымой руки, потом придешь за книжкой, книги берут только чистыми руками и с чистыми мыслями.

– В своих произведениях вы часто возвращаетесь к деревенской тематике. Вас, наверное, беспокоит, что в России деревня потихоньку умирает?

– От такого вопроса у меня слезы на глазах... Моя родная деревня, где было до 700 домов, сейчас в тяжелом положении. Когда я учился, было три первых, три вторых и так далее. И по 30 учеников в каждом, 90 детей в каждой параллели. А сегодня во всей деревне учатся до седьмого класса где-то 12 человек. Моя деревня называется Кирмени – это «крепость», «кремль» по-русски. Я, когда был в Иране, встречался с аятоллой Хомейни, он сразу спросил: откуда вы родом? Я рассказал, что из деревни Малые Кирмени. Он говорит:

о-о, у нас в Иране есть два города Кирмени. Открыл какую-то старинную книгу, начал листать и вдруг сказал: эта ваша нынешняя деревня Кирмени когда-то была столицей небольшого государства. Я возразил: не может быть, столицами были Булгар, Биляр и Казань. Он говорит: да, в болгарский период, но на этой земле раньше были и другие маленькие государства, народ там жил испокон веков, а вглубь веков мы сегодня заглянуть не можем... Позднее подтверждение словам аятоллы Хомейни я нашел в библиотеке Лондона, на древнейшей карте. Когда родная деревня умирает, на душе горько. Надеюсь, не умрет, надеюсь, это временное явление. Просто, когда колхоз у нас ликвидировали, землю почему-то раздали людям из соседних деревень, из районного центра. И по сути дела, землями наших предков сейчас управляют люди посторонние. Это и ведет постепенно к медленной гибели деревни, у которой такая богатая и древнейшая история. Но я еще надеюсь на лучшее. Руководители республики в сельских вопросах намного квалифицированнее меня, что-то придумают, что-то предпримут, не дадут нашим деревням умереть. С этой надеждой живу.

– Вы поступили на отделение татарского языка и литературы в Казанском университете. То есть с детства, с ранней юности мечтали стать писателем?

– Честно говоря, не мечтал я стать писателем. Я в детстве мечтал стать инженером, хотя, может быть, не понимал всех тонкостей этой профессии. Когда в 9 классе спрашивали, в какой вуз пойдешь, отвечал, что в КАИ. Но в 10 классе я начал писать стихи, отправил в Казань, их начали печатать. Потом в нашу школу приехал тогда совсем еще молодой журналист газеты «Яшь ленинчы» Ренат Харис. Он очень тепло со мной пообщался и сказал: ты обязательно должен поступить в Казанский университет, на отделение татарского языка и литературы, ты можешь стать хорошим поэтом. Ну, поэта из меня не получилось, тем не менее постепенно-постепенно я стал писателем.

– Из аспирантуры вы ушли на практическую работу в журнал «Казан утлары». Почему? Ученый – это всегда престижно, а в 70-х тем более...

– Еще до поступления в аспирантуру после университета я работал на Казанском телевидении..., работал, не жалея себя, редактором детских и юношеских передач. Это были годы становления телевидения в Татарстане. Делал, на мой взгляд, хорошие передачи. Сегодня вспоминаю – это была очень интересная для меня работа, но тем не менее сегодня меня там не очень жалуют. Такие времена, такие нравы! Пригласили в аспирантуру. Моим руководителем стал Мансур Хасанович Хасанов (с 1992 года первый президент Академии наук РТ – прим. ред.). Я всегда говорю: фундаментальное образование я получил не в студенческие годы, а именно в аспирантуре факультета журналистики Казанского университета. Там я очень серьезно изучал всю дореволюционную печать на арабской графике. И с того времени для меня наша литература, наша история стала смыслом жизни.

– Позднее диссертацию все-таки защитили, причем в МГУ, стали кандидатом филологических наук. Почему защита была для вас важна?

– Важна, наверное, потому что, за что бы я ни взялся, я всегда стараюсь довести дело до конца. Хотя уже в то время чувствовал, что ученым вряд ли стану, а начну книги писать. Но тем не менее аспирантура и эта диссертация дали мне очень много, потому что я серьезно изучил историю нашей духовной жизни.

– Какая была тема диссертации?

– Она называлась «Проблемы формирования татарской литературной критики и эстетической мысли до Октябрьской революции». Работа над этим трудом открыла мне глаза на многие вопросы, о которых я в студенческие годы даже слыхом не слышал.

– Ваш первый творческий успех принесла вам литературная повесть «Первый подснежник»...

– В литературу я вошел как-то очень быстро. Начал работать в журнале «Казан утлары». Моим первым главным редактором стал Заки Нури. Это фронтовик, партизан, командир разведки белорусских партизан, отряда Заслонова. Легендарная личность! Он стал почетным гражданином в нескольких городах. К сожалению, сегодня его стали забывать, совершенно не заслуженно. После него наш журнал возглавил Ренат Харис. Вот с этими двумя главными редакторами мне очень повезло. Я у обоих работал заместителем, занимался больше прозой, редактировал. И такие писатели, как Амирхан Еники, Аяз Гилязов, Мухаммет Магдеев, Нурихан Фаттах, Гариф Ахунов, Махмуд Хасанов мне доверяли свои рукописи. И каждый говорил: «Ринат, у тебя хороший слог, ты должен стать писателем». И я действительно начал писать...

– Какие из своих книг вы сами любите больше всего? Или они, как дети, – все равны?

Мухаммадиев Ринат Сафиевич, известный российский писатель и общественный деятель

Родился 10 декабря 1948 года в деревне Малые Кирмени Мамадышского района ТАССР.

Перу Рината Мухаммадиева принадлежат более 60 книг, изданных на татарском, русском и на других языках мира. Читателям страны хорошо известны его романы и повести: «Беренче умырзая» («Первый подснежник»), «Ак кыялар турында хыял» («Мечта о белых скалах»), «Кенәри читлек кошы» («Львы и канарейки»), «Сират күпере» («Мост над адом»), «Утлы таба өстендә» («Крушение»), «Алланың кашка тәкәсе» («Тени в сумерках»), «Кош булып очар идем» («Взлететь бы мне птицей...»), «Кузачкысыз буран» («Непроглядная метель») и другие.

Ринат Мухаммадиев заслуженный работник культуры Российской Федерации и Татарстана, лауреат Государственной премии Татарстана им. Г.Тукая, международной премии Турции, премии стран Азии и Африки «Лотос», премии им. А. Платонова и международной премии им.М.А.Шолохова.

– Если бы в вопросе не было последней части – «все равны» – я бы, наверное, так и ответил. Но все-таки я больше люблю перечитывать свои ранние произведения. В них настоящая душа сельского парня – чистого, не избалованного, еще не столкнувшегося с проблемами большой политики... Да, это «Первый подснежник», это «Мечта о белых скалах» – первые мои повести. Я считаю, они достойны внимания, и эти повести до сих пор остаются популярными у моих читателей. Но признали меня писателем в масштабе нашей республики после романа «Львы и канарейки». Он был принят как сенсация. Сначала роман выпустили на татарском языке 20-тысячным тиражом – и через месяц этой книги нигде не было, у меня самого до сих пор нет ни одного экземпляра из первого тиража. Через какое-то время отпечатали тиражом уже 50 тысяч, и он тоже очень быстро разошелся. Позднее роман многократно переиздавали на русском языке, на башкирском и еще ряде языков. Этот роман меня сделал писателем. А роман «Мост над адом», можно сказать, сделал писателем, интересным и для Москвы, и особенно для восточных стран. Потому что уже в год публикации на татарском языке этот роман перевели и напечатали в Турции. И с тех пор эта книга печатается почти ежегодно в новых изданиях, в новых издательствах. У меня есть 8 изданий этой книги из Турции. Я только несколько дней назад вернулся из Турции. Там в городах Стамбул, Анкара, Измир, Бурса прошли, по случаю моего юбилея, встречи с читателями и презентации новой книги. И знаете, никогда ни в Москве, ни в Казани, такой чести я не удостоивался – чтобы 50-60 взрослых мужчин терпеливо стояли в очереди за автографом. Автографы я писал на турецком языке, медленно, но люди ждали. Интерес огромный. Я счастлив встречаться со своими читателями, где бы, на каком бы языке мои книги ни печатались – и на китайском, и на болгарском, и на арабском языках...

– Вы лауреат Госпремии Татарстана имени Тукая, премии Платонова и международной премии Шолохова. Но у вас есть не только российские награды за творчество, но и международная премия Турции, премия стран Азии и Африки «Лотос». Почему именно эти страны, что вас связывает с ними?

– Наверное, с ними меня связывает историческая и духовная близость. Изучая в аспирантуре нашу дореволюционную печать, я видел – татарская интеллигенция тогда очень тесно работала со своими коллегами с Востока – из Турции, Ирана, из арабских стран. Потом я написал роман «Мост над адом», где главный герой – Мирсаид Султан-Галиев. Он в советское время был у нас под запретом, о нем говорили только плохое. А мы с некоторыми казанскими учеными стали инициаторами его реабилитации. И книга «Мост над адом» вдруг оказалась очень популярной в восточных странах. Это меня с ними, конечно, сблизило вдвойне, втройне. Вообще, в Турции, в Алжире хотят перевести и издать все мои прозаические произведения. К сожалению, не хватает в Казани и Москве высококвалифицированных переводчиков, именно писательских. Такой переводчик должен не хуже тебя быть способным в литературном творчестве, знания языка тут недостаточно. Кому пошло отдавать книги не хочется.

Я безгранично счастлив, что наша Республика Татарстан, и наша родина Россия сегодня очень тесными узами связаны с Турцией, с другими восточными стра-

нами. Что с каждым годом все глубже мы начинаем друг друга понимать. Что у России есть крепкие взаимоотношения с этими странами, как экономические, так и духовные. Это очень большое подспорье для меня, как писателя.

- В 1989 году вас избрали председателем правления Союза писателей Татарской АССР, и вы на этом посту проработали 10 лет...

- Работал я на этом посту с большой любовью. Единственно, чего не хватало – времени. Меня буквально через год избрали депутатом Верховного Совета России. Работал в Москве, но каждую неделю в пятницу, выходные и понедельник был в Казани, работал в союзе писателей. Считаю, что со своими обязанностями справлялся. Недовольные, наверное, были. Но многие писатели до сих пор говорят, что это были прекрасные годы в нашей писательской организации. Потому что я был предан этой должности, потому что литература еще гремела, потому что работали удивительно талантливые писатели и поэты... Им служить, чем-то помогать – было честью для меня, как председателя союза писателей.

- Вы пишете на татарском. Кому и что нужно делать, чтобы сохранить и развивать татарский язык?

- Это вопрос очень широкий. Я в свое время уже говорил – надо, чтобы меньше было таких ситуаций, как в прошлом году, когда прокуроры в Татарстане пошли в классы, к учителям татарского языка, когда многих из них оставили без работы. И буквально через полгода, через год, мы опять говорим, что этим вопросом надо заниматься, что надо разрабатывать стратегию. Просто меньше надо препятствовать естественному развитию языков. Потому что все языки мира – это достояние человечества. Все можно изобрести, но языки – это духовный клад наших народов. Это касается и русского языка, у которого тоже сегодня немало проблем, и татарского, и соседних угро-финских – марийского и мордовского, и вообще всех. Приятно, что начинаем об этом задумываться, это дает определенную надежду.

- Почему вы пошли в политику, как стали народным депутатом России?

- 1990 год, перестройка, демократизация... Я – председатель союза писателей. Из Москвы звонит Гумер Исмагилович Усманов (секретарь ЦК КПСС, в 1982-1989-м – первый секретарь Татарского обкома КПСС – прим. ред.) и предлагает: Ринат, как ты смотришь, чтобы поучаствовать в выборах? Я говорю: у меня нет практики, нет опыта, наверное, надо другого кандидата найти. А он в ответ: не боги горшки обжигают! Это были настоящие альтернативные выборы. Нас 8 кандидатов, округ – все Закамье, от Актаныша до Нурлат. Люди поверили в меня и проголосовали. Тогда еще не было нынешних, скажем так, методов подсчета голосов...

- В Верховном Совете вы возглавили постоянную комиссию по культурному и природному наследию народов России. Важнейшая тематика, острая до сих пор...

- Мы работали неплохо, честно, никого не ущемляя. Сегодня в России действуют около десяти законов, принятых тогда по нашей инициативе, например, закон о языках народов Российской Федерации. Конечно, не хватает бережного отношения к духовному богатству всех народов нашей страны, в том числе моего родного народа. В условиях диких рыночных, а скорее базарных отношений высоко начали ставить материальное, а духовное отошло на второй план. Но все материальное быстро уходит, быстро исчезает, а духовное, оно связывает наше прошлое и наше будущее. А это не каждый из нас ценит достаточно высоко. Вот что надо менять. Тогда в российском парламенте, мы многое сделали именно в этом направлении. Не всё, что задумывали, удалось, ведь наш Верховный Совет не доработал до конца срока...

- О расстреле парламента в октябре 1993 года помнят, наверное, все. Вы были тогда среди защитников Белого дома 1993-го. Вам пришлось выходить оттуда с поднятыми руками?

- Нет, я не поднимал руки. Никогда. Ни перед кем. И в Белом доме тоже. Хотя раза два прикладом стукнули по рукам, но я все равно не поднял.

- О тех впечатлениях можно не спрашивать – вы написали яркую книгу с говорящим названием «Крушение». А как те события сказались лично на вас, на ваших убеждениях, на вашей жизни?

- Ликование в годы перестройки по поводу демократизации, торжества парламентаризма в России – все это лично для меня погасло с того дня, когда расстреляли наш парламент. Сегодня уже и официальные власти понимают, что тот расстрел Белого дома был не по воле народов Российской Федерации, не по воле большинства населения нашей страны. Это было, действительно, крушение нашей Родины, это вызвало огромные проблемы. Хотя они начались раньше, с развала СССР. Считаю, от этого не выиграли ни Российская Федерация, ни бывшие республики Советского Союза. Где-то полагают, что выиграли – скажем, в странах

Прибалтики. Но мне кажется, это была большая трагедия для всех народов СССР. И прежде всего для России, для русского народа. Те события, которые происходили и происходят в Грузии, на Украине – они берут начало с этого крушения...

- Вы назвали «Крушение» документально-художественным романом. Насколько он художественный и насколько документальный? У ваших героев реальные имена...

- Да, в книге настоящие имена и фамилии, никто не придуман. И события настоящие. Просто, считаю, ни у кого из писателей не бывает стопроцентно документального романа. Потому что – вот беседуют герои. Я же не записывал те беседы в Белом доме. Но я этим был пропитан, я знаю, помню, кто что говорил. За некоторых, может быть, что-то добавлял. Но в целом это документальная книга, и в этом ее ценность. Роман «Крушение» до сих пор в России, особенно в Москве, пользуется огромным спросом. Сколько ни печатай новый тираж – книга тут же исчезает с полок книжных магазинов. Ее печатали в десятках стран мира.

- Как депутату Госсовета Татарстана вам довелось участвовать еще в одном историческом событии, уже республиканского масштаба – когда на заседании парламента РТ в мае 1998 года случился «бунт глав»...

- Я считаю, никакого бунта не было. Были нормальные демократические выборы спикера Госсовета. Было два сильных кандидата – Фарид Мухаметшин и Рафгат Алтынбаев. Оба были достойны занять эту должность. Кто-то голосовал за одного, кто-то за другого. Каждый депутат имеет на это право. Здесь никакого бунта и никакого криминала я не вижу.

- Но увидело руководство республики – потом полетели головы тех, кто посмел проголосовать не за Мухаметшина, которого предложил президент. Глав просто пачками снимали с должности...

- Вообще-то было тайное голосование. А если кто-то тайно за ним наблюдал, вот с них надо спрашивать, этих людей наказывать. Тех, кто список составил, кто за кого голосовал. Это просто преступление по законам демократических стран. Конечно, тогда многие пострадали. Возможно, и я в определенной мере пострадал после этого. Но депутат имеет право и должен выражать свою собственную точку зрения.

- Вот, Рафгат Закиевич тоже выразил свою точку зрения – и вынужден был с поста мэра Челнов уехать в Москву...

- Я все знаю и все помню. Естественно, после того голосования не должны были состояться эти «репрессии». Это не украшало никого. И не будет украшать никогда. Об этом еще, думаю, будут написаны книги. Татарстан тогда потерял немало сильных руководителей, самостоятельных личностей, которые были способны прекрасно служить родной республике.

- У вас тогда разладились отношения с руководством Татарстана. И как с этим обстоят дела сегодня?

- Знаете, у меня никогда ни с кем из руководства Татарстана никакого конфликта не было. Но есть второстепенные, третьестепенные фигуры, которые в своих корыстных целях стараются раздуть ту давнюю историю, чтобы выглядеть значительнее, чем-то поруководить, исподтишка что-то посоветовать, обострить отношения... Я это все вижу. Но равнодушен. И вообще считаю, что быть мстительным и злопамятным – это никого не украшает. Так, между прочим, написано и в Коране, и в Библии, и в Торе, и в святых книгах других народов.

А еще хочу сказать, что с уважением отношусь к нынешнему руководителю республики Рустаму Нургалиевичу Минниханову. Считаю его настоящей находкой для Татарстана. И Минтимер Шарипович Шаймиев очень много сделал для Татарстана в тяжелые годы. А что касается некоторых моих статей и некоторых произведений... Мне кажется, каждый писатель имеет свою точку зрения, и ни один писатель, уважающий себя, под диктовку писать не будет. Писатель обязан и имеет право написать так, как он это видит. Я, воспитанный на кодексе строителя коммунизма, всегда считал, что все должно быть честно, что народное имущество должно принадлежать народу, в Татарстане – всему народу республики. Я и сегодня так считаю. Но вместе с тем, сегодня вся страна приватизирована. И в то же время, если сравнивать... У нас хозяевами имущества стали граждане Татарстана, тот же ТАИФ работает, мне кажется, на благо нашей республики. А рядом есть регионы, где такими же структурами, заводами, полезными ископаемыми владеют или иностранцы, или люди, не имеющие отношения к этим регионам. И что, они от этого выиграли? Нет. В этом отношении выиграл как раз Татарстан. И я считаю, что Минтимер Шарипович в определенной мере был прав в своем выборе в то время. Потому что ни татарскую нефть, ни крупные предприятия республики без приватизации не оставили бы. Если бы не нашлись хозяева в республике, они бы нашлись со стороны...

- В чем вы, как главный редактор газеты «Татарский мир», видите для себя ее миссию, цели?

- Очень интересный вопрос! Вот я с вами говорю на русском языке. Я татарский писатель, все свои произведения всю жизнь писал на татарском. Только «Крушение» – и на татарском, и на русском, самостоятельно, переводчиков не нашлось. Почему я ра-

Укрыльца дома-музея А.И.Куприна. Справа второй Расим Акчуринов, в центре Ренат Акчуринов. г. Наровчат

ботаю в этой газете? Потому что около 70 процентов татар, это официальные данные, в нашей Российской Федерации сегодня говорят и читают на русском языке. Но они считают себя татарами. А кто должен их просвещать? Вот именно с этой целью наш редсовет во главе со знаменитым хирургом Ренатом Сулеймановичем Акчуриновым, и я, как главный редактор, выпускаем газету «Татарский мир» и служим большинству татарского населения России и зарубежья. Будет уместно, если еще раз подчеркну: мне везло и везет с руководителями. Выше по этому случаю упомянул Заки Нури и Рената Хариса. А ведь еще в течение семи лет я работал заместителем легендарного Сергея Михалкова и вот уже более десяти лет с Ренатом Акчуриновым... Только по скромным подсчетам нашу газету читают и выписывают в 20-ти странах мира, она доступна от Камчатки до Прибалтики. А прочитать в интернете <http://www.vatanym.ru/?an=tmarch> могут в любой точке мира. Вот последний год у нас начал активно печататься человек из Австралии, из Сиднея. Я как-то спросил его: в интернете читаете нашу газету? Он сказал: я ее уже пятый год выписываю в бумажном варианте. Вот такие у нас есть читатели. Совершенно не знающие родной язык люди обращаются к нам, интересуются историей своего народа, пишут о традициях своих семей, о своих далеких предках... Этим тоже интересна наша газета. И интерес к ней не угасает, это одна из популярнейших национальных газет Российской Федерации. Это год от года подтверждает конкурс «СМИротворец», который проводит гильдия союза журналистов. Надеюсь, что газету нашу читают как в руководстве страны, так и республики.

- А почему, Ринат Сафиевич, в газете «Татарский мир» на первой странице никогда не бывает никаких больших портретов, ну, тех же руководителей? Только репродукции картин татарских художников. Это намеренная политика?

- Да, это намеренная политика. Мы публикуем чудесные картины татарских художников, они показывают, как прекрасен мир, какая прекрасная у нас республика, какие в ней замечательные люди... Думаю, мы мудро в этом отношении поступаем. А если начнешь давать портреты конкретных людей, это будет никому не интересно. Да еще тут же выстроится очередь желающих: почему его портрет поместили, а мой нет, чем я хуже?!

- Какие планы у редакции?

- Планы большие, огромные. Хотим продолжать работу. Несмотря на то, что финансы мы каждый год находим своими силами и с трудом, никогда у республики денег не пропали. Но тем не менее служим мы Татарстану, татарскому народу и в конечном счете Российской Федерации.

- Ринат Сафиевич, у вас есть увлечения, кроме творчества, конечно? Чем любите заниматься в свободное время?

- Раньше я занимался спортом, а сейчас стал садоводом. У меня есть домик с участком, где я люблю работать, писать, восхищаться природой. Мечтаю вернуться на историческую родину, в Казань. Когда бывает свободное время, приезжаю и работаю, пишу свои произведения. Мне хорошо работает именно в Казани, в доме, построенном собственными руками.

- Какие у вас творческие планы?

- Обычно я о творческих планах не люблю рассказывать. Предпочитаю показывать уже готовые произведения. Даже в моей семье никто точно не знает, над чем я работаю. На этот раз целый год и все лето работал над новым романом, почти что его завершил. Думаю, в ближайшие месяцы буду готов его предложить какому-то издателю в Москве или в Казани. Я ведь единственный писатель, который уже почти 20 лет свои произведения за собственный счет печатает в Москве на татарском языке. До Великой Отечественной войны в столице были издательства, выпускающие книги на татарском языке, например, Мусу Джалиля печатали. А после войны в Москве книги на татарском языке не выпускали. А я вот уже 20-й год печатаю свои книги на татарском языке в различных, очень уважаемых издательствах нашей столицы. Правда, буквально в последние дни Татарское книжное издательство выпустила прекрасную книгу – мои избранные рассказы. За что я безгранично им благодарен!

- Спасибо! С юбилеем вас! Доброго здоровья и новых прекрасных книг!

Клара Булатова

Это было в год окончания войны. Началось с того, что к нам зашел Салахи бабай и сообщил:

- Ханифа килен, даст Аллах, проведем в этом году праздник Татарстана, отпразднуем все-таки. Чем богаты, тем и отметим... Больно уж мы соскучились по этому празднику. Врага одолели, победу одержали... Яровые пошли хорошо, и фронтовики, бывает, возвращаются, и свадьбы намечаются. Значится так, быть сабантуйю, - заключил бабай. - А к тебе, килен, я пришел по такому делу: ты уж дашь свой патефон. Тарелки будет ставить Мунзия, так мы договорились...

Патефон был один на всю Чыршылы - только у нас. И то уцелел лишь случайно. Мама хранит его в память своего старшего брата, сгинувшего в тридцатые годы. Это во-первых. Во-вторых, возможно, это и есть главная причина, патефон - один из трех ценных, дорогих вещей, которые нам удалось сохранить после того, как призвали отца на войну, все остальное распродали. Осталась еще корова. О том, чтобы продать ее - кормилицу, не было и речи. Без коровы вряд ли удалось бы сохранить четырех детей мал-мала меньше в голодные военные годы. И еще швейная машинка, которую мама называет своей «второй короной». Хотя и военная пора, кругом бедность, никто же в деревне не ходит голым, то и дело кто-нибудь заказывает одежку. А шить, кроме моей мамы, некому. Она и свои платья чуть ли не все перекроила на нас, детишек. Мне сшила два платьица, не больше. И для старшей сестры то же самое. А вот для Венеры не перечислять, сколько. На ней платье так и горят. Пока у меня обносится одно, она успевает истрепать два-три. Не скажешь девочка, все лазают по плетням, забираться на ворота, чисто егиза. Не зря ее называли «козличкой».

А моя кличка - «партизан». Прилепили только этой весной. Соседских мальчишек дело, Наиля и Ахтяма, а все из-за языка той Венерки. Дело было так. Как-то раз они с мамой пошли за дровами на урему под горой. Насколько себя знаю, никогда нам не хватало дров. На ручной

Мой первый Сабантуй

(Рассказ-быль)

двуколке круглый год таскаем хворост, растопили высохшую елочку, что стояла за домом. Зимой сколько раз на санках возили березовые поленья со двора председателя сельсовета Гимадиева, даже солному с крыши растопили - такая обжора эта маленькая печка. Теперь уже тепло, печку топить перестали, топим только очажок под казаном.

Я - старшая из детей, оставшихся дома. С этим не поспоришь, я ведь уже первый класс оканчиваю! Венера только этой осенью пойдет в школу. А Ринат - тот еще совсем малец. Когда папа ушел на фронт, ему было всего три месяца. Вот так. Мы втроем охраняем дом. Это так, для слова, просто сидим, дожидаясь мать с сестрой. Они ушли за дровами, а Мария апа (она учительница, квартирует у нас) уехала в свою деревню. Сегодня выходной день. Она в каждый выходной ходит к родителям в колхоз «Первое Мая» за продуктами. Хлеб там, мясо, масло... Отец у него работает председателем колхоза, иногда привозит дочь и на лошади. Мария апа хранит свои продукты под кроватью в камышовый плетенке, или, можно сказать, в закрытой корзине...

Сидели мы так, сидели, и Ринат начал плакать, просить есть. Есть, понятно, и нам хочется. Хотя и покормила мама с утра картошкой с молоком. Ринату еще испекла маленький колобочек в печной золе. Один ли его съел Ринат, сейчас точно и не скажу. А теперь прямо жили мои тняет, кушать ему давай. Опустошили мы и мисочку на печке, несмотря на то, что катык был не совсем еще готов. Отчаявшись совсем, я задумала играть в партизаны, чтобы хоть как-то забыть про чувство голода.

У нас на большой стороне четыре кроватки. На одной из них спит Ринат. Под той кроваткой мы расположили главную базу партизанского отряда. Следующая - кровать матери, за ней наша, а кровать у противоположной стены - Марии апы. Под ней - вражеские склады. Венера не очень быстрая, Ринат маленький, я одна и за командира отряда, и разведка за мной. Словом, я совершила несколько «налетов» на вражеский склад. А там, в корзине с крышкой есть круглый каравай, завернутый в домотканое полотно. Я доползаю туда по-пластунски,

легонько приподнимаю крышку, отгибаю краешек полотна, тремя пальчиками лезу под корочку хлеба, отщипываю мякоть, тем же путем возвращаюсь в «партизанский отряд, передаю «трофей» Ринату.

- Что это? - спрашивает плакса-«партизан». Я боюсь ответить «хлеб», иначе Ринат может выдать матери, что ели хлеб. А откуда у нас взялся хлеб? Я говорю: «Апиия это, ешь!». И пока я до вечера кормила Рината «апипой», оказалось, что от круглого хлеба Марии апы осталась одна корочка.

Слова председательской дочери: «Ваши дети воруют», - так больно ударили по сердцу матери, что она хотя бы справедливости ради не стала разбираться, кто виноват. Из трех бедняжек, забившихся в уголок, её руки безошибочно выдернули меня...

После этого (вернее и до этого было так) я перестала трогать чужое. Только вот наша игра в партизаны как-то стала известна соседским ребятам, и ко мне так и пристало прозвище «партизан». Ну и пусть! Как говорится, пусть хоть горшком назовут, лишь бы в печку не совали. Речь-то не об этом, а о патефоне, за которым пришел Салахи бабай. Я же обмолвилась, что это третья вещь в доме, оставшаяся не проданной. А почему не продали? Да потому, что купить было некому! Кому он нужен, этот патефон, в голодное военное время? Не нашлось покупателя, так и остался не проданным! Не был востребован. А теперь вот оказался нужным. Нужен потому, чтобы под патефон пели на сабантуйе. Как говорит Салахи бабай, какой же праздник без песен.

Только собрались было мы на сабантуй, вышла еще одна задачка. Нет платья. Для Венеры есть, а для меня нет. Когда получили деньги по папиному аттестату, мама у Саимы, что работала на Петровском заводе, купила красно-пестрый ситец, чтобы сшить новое платье для своей «любимицы» Венерки: больно, мол, истрепано у нее платьице. А мое платьице, значит, пока сойдет, если время от времени зашивать грудь, то вполне годная. А Венере вот новое платье, для нее она находит, её она любит. Что бы та ни сделала, не ругает её. Когда Венера разбила лампу, прыгая дома через скакалку, и то ничего ей не сказала. А если бы я разбила!.. Нет уж мне платье! Как-то я сама зашила старенькое платье спереди, стянув в середку с обеих сторон, да получилось не так. Чуть руками раздвинешь, оно и рвется. Старшая сестра говорит, что надо наложить заплатку. А где мне взять лоскуток на заплатку? Когда мама сшила платье для известной своей скупостью Хадиче, лоскутки оставались, но мама мне их не дала.

Такой скряги, как эта старуха Хадича, пожалуй, во всем мире не сыскать. У них картошка не переводится целый год. Лопают, сколько лезет. Сама видела. Мама всегда у них выменивает на картошку чай, что получаем на паек. «Заварю, когда разболится голова», - с этими словами отщипывает уголок от четвертинки плиточного чая и тут же торопит меня: «Сбегай, Лария, к Хадиче, выменяй на полпуда картошки». Венера тоже цепляется за мной, это у неё как всегда. Со мной она ходит, а если вот одну ее послать за чем-нибудь, то ни в какую.

Однажды вот как-то ходили мы с ней менять чай на картошку. Хозяева, оказывается, только что сели за стол. Посереде лавки большая кастрюля с дымящейся картошкой. Крупная такая картошка, рассыпчатая. Хадича-абыстай сначала понюхала чай. Потом сказала невестке: «Иди, отвесь им десять фунтов картофеля. Она же отломил уголок, как тут полпуда!» Пока Хания апа отвесила картофель, то ли пожалела детишек, которые были не в силах оторвать глаза от картошки в кастрюле, обeim нам дала по половинке картофелины. Как мы были рады, вкусотица какая!

Ух... Ведьма так ведьма! Мы, наверно, не успели еще и надышаться картошкой, Хадича тут же наказала снохе: «Отложи две картошки от взвешенного. За счет

тех, что дала этим оглодам. Нам дали по две половинки, а из ведра убавили две целые картофелины. А мама возвращает им даже самые мелкие лоскутки, что могли бы пойти на заплатки.

Я все равно отомстила этой старой карге, сочинила стишок о том, какая она жадина, что прямо сохнет от своей скупости. Наиль с Ахтямом не раз прошлись по улице перед праздником, громко декламируя мое сочинение.

По правде говоря, я и сама дохленькая, как говорит сестра, «прозрачная». Ничего, приедет отец, наращу вес. Война-то уже кончилась. Будет и хлеб, и сахар будет. Будет и картошка, и платье. Все это будет, как приедет отец. А вот сегодня что надеть на сабантуй? Все-таки мама достала мне платье. Улучила время, сходила куда-то и принесла белое платьице с оборочками: «Ну-ка, доченька, примерька вот это!» Когда же она успела это сшить? Я и не заметила. Платье было впору, самый раз. Надев это белое платье, нацепив на голову белую панамку, я в тот день прямо полетела на сабантуй. Я была самая красивая среди девочек на лужайке. Самое замечательное платье было у меня! Самая красивая панамка моя! У меня же и лучший подарок за первое место в бегах. Фагима тоже хотела было потягаться со мной, но я оставила её далеко позади. Платочек в горошинку Салахи бабай вручила мне со словами: «Держи, быстроногая, в память о первом сабантуе первого мирного лета». С подарком в руках я побежала к маме. Но не успела поделиться со своей радостью с мамой, как кто-то сзади дернул меня за рукав: «Раз так, скидывай тогда мое платье! Сними сейчас же! Почему ты надела мое платье?!» Оказывается, это Фагима. Фагима... Мама, получается, у них попросила платье на сабантуй...

Я больше не могла оставаться на майдане, смотреть на игры. Со слезами на глазах, я пошла на берег речки, и в тени тальника дала волю горячим слезам... Не знаю, сколько бы я, обиженная на весь мир, просидела там, но вдруг прямо перед моими глазами возникли две пары темных, в цыпках ног. Наиль с Ахтямом, кто же еще.

- Что ты тут сидишь, реवेश из-за этой толстушки? - воскликнул Наиль. Ахтям его поддержал, добавил:

- Ага.

- Встань, - сказал Наиль, - пошли. Мы тоже идем домой. У Хамита брат остался в батырах. Была бы рука целая, Фаяз абый тоже поборолся бы. Ладно уж. А ты не плачь... Смотри, что я достал, взобравшись на шест. - Наиль вытащил из-за пазухи отрез синего ситца и протянул мне. - Пусть тебе будет. Зачем мне синяя рубашка? Ханифа апа перешьет мне отцовскую гимнастерку, а из этого пусть сошьет платье тебе. Хорошо?

- Ага, - поддержал друга Ахтям.

Когда мы дошли до деревни, все было уже позабыто: и мой плач, и то, что мне платье Фагимы, и то, что только вчера у себя на переулке мы подрались с Наилем...

Перевод Ирека Бадретдинова

**Гульнара
Утямышева**

Притча из жизни животных в уссурийском заповеднике

Амур с Тимуром крепко подружились,
Амур тот - тигр, Тимур - козел, но сжились,
Обедать вместе и гулять ходили,
Как добрые приятели, все пополам делили.
И кров, и дом, и разные вкусняшки
Ну, словом, разноликая такая, но компашка.
Характер у Тимура крут и он боец,
Ну, ведь не даром же самец!
Амур тот добродушен,
Пусть и хищник по природе,
О нем и слава добрая в народе.
Но мухоморный нрав козла не оставляет,
Тот тигра иногда бодает.
И вот не выдержал тигриный дух,
И тут уж ясно, что одно из двух:
Амур Тимуру больше не дружан,
Закончен необычный их роман.
Теперь у каждого отдельный кров и дом.
Да, невозможно, видно, жить с козлом.

Афинский пес

Живет в Афинах на заправке пес.
Настроен он воинственно, всерьез
Он властно озирает все вокруг,
Он - друг хозяина и самый лучший друг.
Все в нем не оставляет в том сомнений:
Он величав, умен и он почти что гений.
Но получилось это все не разом
Он потерял родителей, обоих, сразу,
И брошенным щенком по улицам побрел,
Пока хозяина внезапно не обрел.
И сразу в жизни все преобразилось,
И пусть сейчас он на цепи, но все сложилось.
Суровый взгляд овчарки, все его повадки
Бежать заставят каждого и без оглядки.
Он понимает в том обязанность его и долг,
Служить тому, кто и ему помог.
Уверен он, в окрестностях Афин
С таким собачьим счастьем он один!

В самолете

Над облаками просто - красота!
Здесь не тревожит суета.
Здесь нет условностей, границ.
Нет бесконечной вереницы лиц.
Есть лишь окно и нивы облаков:
Торосы льдов, вот айсберги, альков,
Морская гладь и санные пути,
Кому-то ими предстоит пройти.
А вот фарватер проложили кораблю,
Как ровный гул моторов я люблю!
И небо с оборотной стороны,
Где дремлет Млечный путь и все равны...

Плотва

Навстречу движется плотва
С глазами беспросветной пустоты,
Как будто из лихих времен братва,
Ушедшая в тенистые кусты.

Ей навыки, науки ни к чему,
Все канет в никуда, так все зачем?
Она не тянется ни к сердцу, ни к уму,
Ей чужда жизнь, где сонм проблем,

А потому плотва сидит в тени,
Надев защитный серенький камзол.
Ей кажется, что кто-то сохранил,
Спасет ее, не будет слишком зол.

Так не бывает, ну совсем, почти,
Преследует людей судьба и рок.
А у плотвы все это впереди,
Все свое, лишь дайте срок...

Метро

Жизнь полная чудес царит в метро.
Оно устроено доступно и мудро.
Здесь можно нацепить наряд не по сезону,
Все ноль внимания, что в общем-то резонно.

Назначить встречу в центре зала,
Не ошибешься, как бы зала не петляла.
Зайти в один вагон, потом в другой,
Что ближе к выходу, хоть едешь по прямой.

И спорить горячо о пересадке и длине пути,
Как будто шар земной намерен обойти.
Вдруг задремать, что тоже удастся,
Когда состав размеренно плетется.

Здесь есть свои заветные места
На старых станциях, где роскошь, красота,
Мозаика, скульптуры, среди колонн аллеи.
Сейчас экскурсии здесь водят, как в музее.

Занятен этот дух урбанизации в метро.
Пусть кто-то хвастает собой, порой хитро,
Что ездит в пробках раза два на дню,
А мне спокойно, я метро люблю!

Наши и не наши

Знакомый возглас: «*Наших быют!*»
Как будто клич времен средневековья.
Там нашим точно не нальют,
Не встретят с миром и любовью.

Хотя, где наш - не наш, как распознать?
Все терпим боль, утраты и обиды,
Не знаем, как о важном рассказать,
Что большинству совсем неочевидно.

Как выяснить, какой мы группы крови?
Пусть говорим похожие слова,
Пусть звуки те же вроде ловим,
Качаем все похожие права.

Наивно верим в некий маячок,
Незримо освещающий дозор.
Он нам укажет, засланный где казачок,
Или полуденный где притаился вор.

Бывает, что опять самообман,
Из серии очередной мираж.
Стремимся сквозь волнующий туман
Понять простое: наш или не наш.

Море

Сегодня мне приснилось море
Кристалльно блещут волны на просторе,
В них отражаются и солнце, и луна,
Вода загадочности, тайн полна.

Она живет отдельно, вещь в себе.
Морская толща дышит в глубине.
И отражается в голубизне воздушной,
Ей это так присуще, очень нужно.

Понять, кому она всерьез необходима:
Дельфинам, что, резвясь, несутся мимо.
Планктону, рыбам или людям, нам,
Дерзнувшему плыть к далеким берегам.

И только солнце - белая звезда,
Отлично знает, кто, откуда и куда.
Встречая утро, чаще проводив закат,
Мы ловим моря каждый новый взгляд.

О небесных звездах

Так ярко во тьме ночной сияют звезды,
Они не погрозят нам пальчиком серьезно,
Они не продадут, не включат задний ход.
Они не докучают, если время их пройдет,

Сойдут с небес, хоть тоже им непросто,
Но подлиннее звезды - это точно звезды!
Им невдомек, что мы на них взираем,
Стихи слагаем, мысли доверяем.

И зачастую устремляемся к высотам
С одной идеей: как там, что там?
У звезд свои мечты, заботы.
Они не спросят: как ты? Что ты?

Поскольку связь лишь с нашей стороны,
А мы себе, как водится, верны.

**Пророк МУХАММАД
(салаллохи алайхи вассалам)**

ХАДИСЫ

Нет веры (значимее), чем стыд и терпение.

Верующий не должен унижать себя.

Двуликий человек не прощается Богом.

Лесть недопустима, разве что в отношении родителей и справедливого предводителя.

Ни один доносчик не войдет в Рай.

Запрещено мусульманину пугать мусульманина.

Милостыню не разрешается давать богатым и тем, кто трудо-способен.

Ни у одного из вас вера не будет считаться совершенной, пока не очистите язык (от сквернословия).

Ни один ученый (богоугодный) не довольствуется своими знаниями, пока не дойдет до Рая.

Ищи знания от колыбели до могилы.

Находиться в обществе неблагодарных и несправедливых недопустимо.

Не ругайте мертвых: (этим) причиняете зло живым.

Не ругайте мертвых, они заняты тем, что заблаговременно послали.

Не злословьте (втайне) в отношении мусульман и не ищите их пороки.

Ни одного доброго дела не считай малым.

Не дай Бог, чтобы, попав в трудности, пожелал бы своей смерти.

Не следует радоваться приветом кого-то, не познав его ум.

Не рвитесь к руководящим постам, так как назначение без вашей просьбы гарантирует вам помощь, а если с просьбой, то не будет у вас поддержки.

Выполнение обещанного исходит от веры.

Добрые помыслы - хорошая молитва.

Божья религия - проста и доступна.

Воздаяние (от Бога) за милостыню (помощь) родителям и близким поступает быстрее, чем воздаяние за все молитвы.

Мудрость прибавляет славу.

Наилучшей из доброт является хороший нрав.

Люди Рая - преимущественно простодушные люди.

Ответ на письмо обязателен, как ответ на искренний привет.

Примирите людей, пусть даже неправдой.

Ищите долю из тайников земли.

Подаяния не становятся причиной уменьшения имущества.

Больше всех прав у мужа к жене и больше всех прав к мужчине у матери.

Небольшое дело, выполненное со знанием, значимее множества дел, выполненных невеждой.

У каждой религии - свой особый нрав, в Исламе этим нравом является стыд (благопристойность).

Зависть пожирает добрые деяния, как огонь (пожирает) дрова.

Во времена больших раздоров люди в панике срываются со своих мест, кроме ученых, которых спасет свет науки.

Бог любит добросердечных и незаметных людей.

Бог любит каждое печальное сердце.

Бог любит добрые и славные дела и не любит мерзкие и незначительные дела.

Каждый, кто прощает, Аллах прибавляет к его почету, и Аллах возвышает того, кто бывает скромным.

Бог отважен для (защиты) мусульманина, он (мусульманин) тоже должен быть отважным.

Бог определил эту землю для меня как место поклонения и средство очищения.

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

Акчурин Р. С.

Председатель редсовета. Президент Некоммерческого партнерства «Ватаным» («Мое Отечество»), академик Российской академии наук, почетный академик АН Башкортостана, Казахстана и Татарстана, кардиохирург

Алишина Х. Ч.

доктор филологических наук, профессор Тюменского государственного университета

Асадуллин Р. М.

президент Башкортостанской организации «Ватаным», ректор Башкирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор

Ахметшин Р. К.

заместитель Премьер-министра Республики Татарстан – полномочный представитель РТ в Российской Федерации

Володарская Э. Ф.

член правления «Ватаным», ректор Московского института иностранных языков, главный редактор журнала «Вопросы филологии», академик РАН

Давлетшин Г. М.

доктор исторических наук, профессор Казанского федерального университета

Мир-Хайдаров Р. М.

писатель, заслуженный деятель искусств РТ, почетный гражданин Казахстана

Нигматулин Р. И.

член правления «Ватаным», академик Российской академии наук, научный руководитель Института океанологии РАН

Рахим Теляшев

журналист-краевед, писатель-историк, заслуженный работник культуры РТ, г. Санкт-Петербург

Ренат Харис

лауреат государственной премии РФ (2006 г.), народный поэт Татарстана, член Совета по культуре и искусству при Президенте Российской Федерации

Главный редактор
Ринат МухамадиевИсполнительный
директор
Лейсан СитдиковаЗаместитель главного
редактора
Марат СафаровХудожник-дизайнер
компьютерной верстки
Султан КаримовОтветственный за
распространение газеты
Ахат Мухамедов

Куда только не забрасывала судьба наших предков! В живописной местности в провинции Конья в Турции расположилась татарская деревня Бёгрюделик, что в переводе означает «душевная рана». Эта деревня была основана в начале XX века так называемыми «бухарцами», которые, однако, были вовсе не из Бухары, а из Западной Сибири. Своим именем они обязаны среднеазиатским предкам, которые несколькими волнами перебирались в Сибирь с конца XVI века.

В 1908 году около 100 семей сибирских татар, предчувствуя грядущую революционную бурю, снялись с насиженных мест и направились в Османскую империю. Активную роль в агитации соотечественников

живут в Дании, а в Копенгагене есть даже общество татар из Бёгрюделика. Однако на большие праздники односельчане спешат домой.

Но вернемся к первым переселенцам. Тяготы дороги, длившейся год, лишили жизни многих из них. Даже на месте назначения они первым делом построили кладбище, где поначалу хоронили по одному-два соплеменника в день. По старой традиции, где бы не умерли бёгрюделиковцы, их и сейчас хоронят в родной деревне.

Все же в судьбе деревенских жителей была и светлая полоса: хороший прием Османской империи. Власти страны не только выдали чужеземцам место для основания, но и сами построили первые дома. Один из них до сих пор сохранился в деревне. Есть

БОЛЬШАЯ ИСТОРИЯ
маленькой деревни

сыграл путешественник Абдурашид Ибрагим (1857-1944). Судьба забрасывала его на Дальний Восток, в Индонезию, Индию, Европу, затем он осел в Бёгрюделике, где прожил до 1933 года. Учил других грамоте и чтению Корана. Затем душа странника снова позвала его в путь, на сей раз в Японию, где он и скончался.

Когда-то в Бёгрюделике было 300 дворов, сейчас чуть более 200. В поисках работы многие уехали в Стамбул или страны Евросоюза. Большинство из них

здесь и красивая белая мечеть. Вначале благодарные татары назвали свое поселение именем правившего тогда султана Мехмеда V Решада (1909-1918). Однако со сменой правления и появлением Турецкой Республики красноречивое название «Решадия» пришлось поменять. Так и увидела свет деревня с «раной души». Переселенцы оказались разлучены с родиной большими расстояниями и железным занавесом, и не было надежды, что они когда-нибудь увидят друг друга. Обмен пись-

мами стал возможен лишь после смерти Сталина и только под особым контролем. В 60-80-е годы Фоат Валеев, историк сибирских татар, живший в Казани, активно переписывался со своими родственниками в Бёгрюделике. Валеева интересовали исторические предания, и он их в достатке получал в письмах на арабской графике. Беглого взгляда на эти материалы достаточно, чтобы понять две особенности в культурном мировосприятии переселенцев: они чтли родословную и любили сочинять стихи (баиты).

Другой историк из Казани Альфрид Бустанов, побывав в Бёгрюделике, познакомился с одним из старожилов Аднаном Ченгизом. Благодаря этому знакомству был обнаружен и опубликован уникальный дневник Абдурашида Ибрагима, уже упоминавшегося известного общественного деятеля первой половины XX века.

Туристические маршруты проходят довольно далеко от татарской деревни. Возможно поэтому здесь сохранился старинный уклад. В окружении турецких поселений жители Бёгрюделика все также говорят на чистом сибирском диалекте своих предков, но поют «казанча», то есть песни казанских татар. Во многих домах установлены спутниковые антенны, жители смотрят канал THV, но признаются, что

не совсем понимают современную татарскую речь. Сибирский татарский язык доминирует настолько, что некоторые даже не знают турецкого.

По старинке хозяйки готовят еду в отдельном помещении, а трапезничают семьи сидя на полу. Вечерами жители часто собираются вместе, поют древние песни, танцуют народные танцы. «Мы смотрели в окна, как развлекаются взрослые. Так и научились их песням и пляскам», - вспоминает один из старожилов.

В 2008 году жители Бёгрюделика отметили 100-летие своей родной деревни и посадили полторы тысячи деревьев в Парке милосердия как память о покойных соотечественниках. Поздравить деревенских жителей приехали и гости из Татарстана: певец Фарид Файзрахманов, солистка вокальной студии «Хыял» Айгуль Хайри, баянист Айдар Валиев, певец и кураист Айдар Зиятов, а также ансамбль «Мирас» из Заинска. Праздник завершился коллективным пением неформального Гимна татарского народа – песней «И, туган тел...» на слова Габдуллы Тукая. На глазах большинства жителей деревни блестели слезы...

Подготовила Римма Тахавеева

ВНИМАНИЕ — ПОДПИСКА-2019

Уважаемые читатели!

Продолжается подписная кампания на первое полугодие 2019 года. Оформить подписку на газету «Татарский мир» можно во всех отделениях «Почты России» по индексу П3735 в каталоге «Почта России». Также вы можете подписаться в режиме онлайн на специальном сайте Почты России podpiska.pochta.ru. Мы ценим и уважаем каждого нашего читателя. И впредь будем стараться сохранять многолетний статус газеты, стремясь к непредвзятому осмыслению истории татарского народа, культуры и современных проблем. Мы продолжим публикацию материалов в рамках постоянных рубрик: «Выдающиеся просветители», «Восточная мозаика», «Мир искусства», «Парадоксы истории» и многих других. Любителей литературы будем знакомить с произведениями современных татарских писателей и поэтов. Самым маленьким нашим читателям адресована рубрика «Балам-багалмам». Наша газета всегда предоставляет возможность авторам и читателям обмениваться мнениями, публиковать свои статьи, иллюстрации и комментарии к ним. Мы благодарны вам за каждый визит в редакцию, письмо или звонок. Ваша критика и помощь позволяют делать газету интересной, насыщенной и актуальной. **Надемся на дальнейшее сотрудничество!**

Учредитель:

Некоммерческое партнерство содействия развитию институтов гражданского общества «Ватаным».

Газета зарегистрирована Министерством по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-18851 от 10. 11. 2004.

Адрес редакции:

115184, Москва, М. Татарский пер., д. 8.
Телефоны: (495) 951-16-94

E-mail: tatar.mir@yandex.ru

Подписано в печать

31. 01. 2019
Отпечатано в типографии
ООО «Фолук Групп».
Тираж 15 000 экз.